

ГЕНИАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ ШАМПОЛЬОНА¹

"О, Египет, Египет! Только басни останутся после тебя, которые покажутся невероятными последующим поколениям... и лишь **слова** останутся **на камнях**, которые будут повествовать о твоём прошлом".

Псевдо-Апулей. (Из разговора Гермеса Трижды-величайшего с Асклепием).

I

Сто лет тому назад могло казаться, что это пророчество сбылось над Египтом в более жестокой мере, чем оно было предсказано. Все, что известно было тогда о Египте сводилось к нелепым басням, сохранившимся у древних авторов, а «слова на камнях» застыли, помертвели, превратились в немые знаки, недоступные пониманию. Казалось, древнейшей в мире культуре грозило полное забвение. Между тем, ничто не могло быть ужаснее подобной участи для обитателя древнего Египта, родины стремления к вечному существованию. «Жизнь во веки веков подобно солнцу на небе», — вот мечта древнего египтянина, начиная от фараона и, кончая простолюдином. Жажда вечности была одним из глубочайших инстинктов египетской души, столь полно отразившимся на всей культуре Египта. Символом вечности является камень, в силу его несокрушимости, — и на всем протяжении своей многовековой истории египтяне воздвигали гигантские сооружения из камня. Стремление оставить о себе память потомству побуждало увековечивать не только важнейшие моменты политической истории, не только священные формулы и обряды религии, но также все детали материальной культуры и домашнего быта. На протяжении 3 1/2 тысячелетий неутомимо воздвигались многочисленные памятники, отразившие в себе богатую своеобразную культуру одного из древнейших в мире народов, упорно отстаивавшего свою самобытность, несмотря на все превратности постигавших его судеб. Мы знаем теперь, что культура эта далеко не была застывшей и неподвижной. Напротив, грозные бури порой проносились над Египтом; внутренние волнения колебали до основания все устои общественного быта; иноземные нашествия нередко грозили полным развалом культуры. Но как ни глубоки были потрясения, страна неоднократно выходила из них обновленной и возрожденной. За смутами переходной эпохи от Древнего царства к Среднему наступает небывалый расцвет духовной культуры, создается классическая литература египтян, углубляется религиозное сознание, появляются первые попытки религиозно-философских размышлений, — и только глубокий пессимизм эпохи, отмеченной первыми проблесками индивидуализма, является глухим отголоском тяжелых переживаний переходного времени. За иноземным нашествием гиксосов впервые пробуждается национальное самосознание, переплетаясь с новым строем религиозной мысли; стремление к самосохранению вызывает к жизни милитаризм и империализм; но вслед затем наступает реакция, и на почве культурных взаимоотношений с соседними странами в Египте впервые в мире возникает идея всечеловечества, — и новое религиозное течение провозглашает равенство всех народов под благодатными лучами единого божества — солнца. Лишь постепенно, в течение многих веков, культура Египта внутренне изживает себя; распад государственности вновь ведет к иноземному владычеству. За господством ливийцев и эфиопов наступает краткий период реставрации: истощенная культура вновь возрождается не надолго, как слабый отблеск великого прошлого. Затем наступает глубокая старость; народ окончательно лишен политической независимости; персы, греки и римляне поочередно владеют Египтом. Но власть их ограничивается политическим господством.

¹ Доклад, читанный в торжественном соединенном заседании Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения, Центрального Института Востоковедения и 1-го Съезда русских египтологов по поводу столетнего юбилея дешифровки иероглифов Шампольоном.

Культура страны, ее религия и обычаи не только не погибают, но отчасти покоряют ее победителей. Греки и римляне учились у египтян искусству властвовать и управлять, и когда речь шла о сохранении своего господства, они охотно воспринимали не только методы управления, но также всю символику фараоновой власти, как она выросла на почве Египта, начиная от идеи богосынства царя и кончая внешними атрибутами фараона, его причудливыми коронами и привязанным к талии львиным хвостом. В таком виде дошли до нас изображения Александра Македонского, Лагидов и римских императоров. Александр был объявлен сыном бога Амона; император Адриан воздвиг в Риме обелиск в честь своего любимца Актиноя, и имена обоих высечены на нем египетскими иероглифами. Так, древняя культура не сразу исчезла под напором чуждых ей элементов, и на почве эллинизма и римской империи делает даже попытки к широкому распространению.

Лишь с утверждением христианства картина резко меняется: восприятие новых религиозных догматов было равносильно полному отказу от прошлого. Египет — страна контрастов, и переворот произошел почти мгновенно; с провозглашением новой религиозной истины древние боги разом свергнуты с пьедесталов; языческие храмы заброшены; магические заклинания, гимны и славословия преданы забвению; сами иероглифы, среди которых нередко встречаются изображения языческих богов, не могли долее служить орудием для передачи мысли. С распространением христианства египтяне заимствуют греческое письмо; создается коптская литература, преимущественно церковного характера. Коптский язык представляет собой последнюю стадию развития древне-египетского, но он избилует заимствованными греческими выражениями, отмечающими резкий перелом в мировоззрении народа. Язык этот остается разговорным языком египтян-христиан и после арабского завоевания, вплоть до начала XVII века, когда, наконец, и копты, подобно остальному населению Египта, окончательно оторвавшись от прошлого, начинают говорить по-арабски. Только в церковном богослужении до настоящего дня остается в употреблении коптский язык, как последний искаженный осколок великой многовековой культуры. Но как раз в то время, когда коптский язык начинает вымирать на своей родине, интерес к коптской письменности пробуждается в Западной Европе. В начале XVII века Peiresc и Pietro della Valle привезли с Востока первые коптские рукописи; римская пропаганда, заинтересованная в сношениях с египетской церковью, позаботилась об отливке коптского шрифта, и началось изучение коптской письменности. Первым поборником этого дела является живший в Риме ученый иезуит Афанасий Кирхер², немец по происхождению. Пользуясь коптско-арабскими словарями, и составленной на арабском языке коптской грамматикой, он уже в первой половине XVII века положил начало изучению коптского языка. Лишь через сто лет, по мере накопления и изучения коптских рукописей, было установлено различие коптских диалектов и создан был первый более или менее надежный коптский словарь Лакроза, изданный после его смерти (Woide'ом) в 1775 году, а Рафаил Туки дал первую коптскую грамматику и издал коптские богослужебные книги. В начале XIX века, благодаря деятельности таких ученых, как Zoëga и Quatremère³, коптская письменность стала уже в такой мере доступной изучению, что могла служить существенным подспорьем при дешифровке иероглифических текстов.

Первые попытки объяснения иероглифических надписей восходят к середине XVII века. Материалом служили немногочисленные тогда в Европе египетские памятники, среди которых первое место занимают римские обелиски⁴, частью вывезенные во времена империи из Египта и содержащие надписи древних фараонов, частью воздвигнутые в Риме и снабженные иероглифическими надписями в честь римских императоров (Веспасиана, Тита,

² Prodrômus Aegyptiacus. 1636. Lingua aegyptica restituta. 1643.

³ Quatremère. Recherches sur la langue et la littérature copte. Paris. 1808. — Zoëga в 1810 г. дал ценный каталог коптских рукописей в библиотеке Борджиа. Научный словарь коптского языка дан Реугоп'ом в 1835 г. грамматика разработана только в 80-х годах Stern'ом (Koptische Grammatik 1880) Steindorf'ом (Kopt. Gramm. 2-e изд. 1904).

⁴ Сведения о римских обелисках заимствованы из: Platner, Bunsen, Gerhard und Rostöll, Beschreibung der Stadt Rom. 1838. (К вопросу о причинах падения обелисков — см, Lanciani. The Destruction of Ancient Rome. New York, 1899. С. 169 сл.).

Домициана и Адриана). В течение средних веков почти все обелиски, служившие в древности украшением римских цирков, рухнули от неизвестных причин; до эпохи Возрождения ими никто не интересовался. Из всех обелисков уцелел только один — Ватиканский, с почти стершейся надписью, стоявший вблизи старой церкви св. Петра на месте древнего цирка Нерона. В 1586 г., по инициативе папы Сикста V, он был удален с прежнего места и установлен на площади перед собором св. Петра. В следующем году были раскопаны и установлены на разных площадях Рима еще четыре обелиска, среди них два наиболее замечательных, Латеранский и Фламиниев (на piazza del Popolo), — оба с хорошо сохранившимися иероглифическими надписями. Другие обелиски были найдены и реставрированы отчасти в XVII в., отчасти позднее, — среди них восстановленный папой Иннокентием X Памфилийский обелиск (на piazza Navona), надписи которого стали предметом изучения Кирхера, не без успеха работавшего над изучением коптской письменности.

Исходным пунктом для истолкования иероглифических текстов могли служить в то время исключительно сведения о характере египетской письменности, сохранившиеся у древних авторов⁵, которые, несмотря на некоторое разноречие в частности, сходятся между собой во взгляде на иероглифы, как на идеографическое письмо. Это ложное мнение древних объясняется, повидимому, тем, что они черпали свои сведения о иероглифах из источников, относящихся к позднему времени, когда иероглифическое письмо приобретает до известной степени ребусный характер. Несмотря на указание Плутарха, согласно которому число египетских букв, равное числу лет Аписа, составляет квадрат пяти⁶; несмотря на не совсем, впрочем, ясное место у Климента Александрийского, из которого можно было заключить, что часть иероглифов имела звуковое значение⁷, — мнение о чисто идеографическом характере иероглифов стало господствующим среди ученых XVII–XVIII вв. Этому особенно способствовал трактат о иероглифах Горapolloна⁸, содержащий объяснение значительного количества идеограмм, из коих некоторые могут быть отождествлены с иероглифами, встречающимися на дошедших до нас памятниках (см. рис. 1):

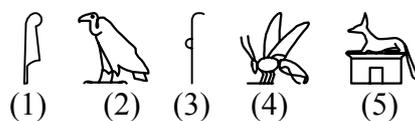

Рис. 1 .

1. Страусовое перо означает «правду» или «справедливость», так как перья этой птицы все одинаковы.

2. Коршун означает «мать», так как птица эта проявляет особую нежность к своим детенышам, питая их собственной кровью.

3. Пальмовая ветвь означает «год», так как пальма пускает ежегодно 12 ветвей, по одной в каждый месяц.

4. Пчела означает «царя», роль которого в государстве соответствует роли матки в пчелином улье.

5. Собака, сидящая на ковчеге, означает «жреца», который обязан, подобно собаке, бдительно охранять священные тайны.

⁵ Преимущественно у Геродота, Диодора, Плутарха, Климента Александрийского, и Порфирия; отрывки в подлинниках с французским переводом и египтологическим комментарием см. Marestaing'a: *Les écritures égyptiennes et l'antiquité classique*. Paris. 1913.

⁶ De Iside, 56, ср. Marestaing, назв. соч, с. 85.

⁷ Stromat. V, 657 (Potter); данное Летроном объяснение любопытного текста воспроизведено: Champollion, *Précis, du système hiérog.* 2 изд. 1828, с. 378 сл.

⁸ Согласно заголовку трактат составлен был по-египетски (т. е. очевидно, по-коптски), но сохранился только в греческом переводе некоего Филиппа (о котором ничего неизвестно). Оригинал относят к IV в. по Р. Хр.; перевод же считают весьма поздним, но не позднее XV в. Лучшим изданием считаются Leemans, Amsterdam 1835.— Ср. Wiedemann. *Aegyptische Geschichte*, 1884, с. 151 сл.

Как видно из приведенных примеров, цитируемых Шампольоном⁹, Горраполлон нередко приписывает своим идеограммам действительно те значения, которые они имеют в иероглифических текстах. Но, совершенно умалчивая о наличии звуковых иероглифов, он не ограничивается передачей значения идеограмм, а пытается объяснить, почему данный иероглиф имеет то или иное значение. Эти наивные объяснения, способные вызвать улыбку у современного египтолога, имели роковое значение для ученых XVII–XVIII вв. Нужно принять во внимание, что объясненные Горраполлоном и другими древними авторами идеограммы составляют ничтожную часть иероглифов, встречающихся на египетских памятниках. Подчеркивая символический характер иероглифов, Горраполлон вместе с тем, как бы указывал путь, при помощи которого могло быть разгадано значение остальных знаков, для которых нельзя было найти традиционного объяснения у древних. Но это был скользкий путь, открывавший широкий простор фантазии. По меткому выражению Шампольона¹⁰, «изобретательность (новых) авторов заполнила пустое место, оставленное древними» в отношении необъясненных ими иероглифов. Принимая каждый иероглиф за символ, ученые XVII–XVIII вв. придавали ему сплошь и рядом произвольное значение, считаясь не столько с ролью данного знака в иероглифической системе, сколько с предполагаемым смыслом иероглифического текста. В этом отношении они находились под властью другого предразсудка, также унаследованного ими от древности, согласно которому все без исключения иероглифические тексты должны были содержать исключительно глубокомысленные рассуждения религиозно-философского мистического или, по меньшей мере, научного характера.

Все это необходимо иметь в виду, чтобы уяснить себе «метод», при помощи которого Кирхер пытался разбирать надписи на римских обелисках. Не делая принципиального различия между изображениями и иероглифическим текстом; не обращая внимания на овальные (и прямоугольные) рамки, окружающие, как известно, царские имена и титулы; принимая каждый иероглиф за самостоятельный символ и приписывая ему произвольный смысл, — Кирхер дает «перевод» иероглифической надписи, не имеющий ни малейшего отношения к интерпретируемому тексту. Достаточно сказать, что смысл чисто фонетических иероглифов, из которых составлены слова: «Цезарь—Домициан—Август», передан у него пространной латинской фразой¹¹, настолько туманной, что Шампольон, воспроизводя ее, как курьез, не решается снабдить ее французским переводом «из опасения, что ему не удастся уловить мысли Кирхера, — если допустить, что он сам придавал ей определенный смысл». Тем не менее у Кирхера оказалось немало последователей, продолжавших вплоть до времен Шампольона толковать вкривь и вкось иероглифические тексты, вычитывая из них то богословские или морально-политические рассуждения, то астрономические или другие научные трактаты, а то и псалмы Давидовы¹².

Более трезвые суждения о характере иероглифического письма высказаны Zoëga¹³ в его труде об обелисках (*De origine et usu obeliscorum*, 1798). Здесь впервые установлено принципиальное различие между изображениями египетских памятников и сопровождающими их иероглифическими надписями. Далее, Zoëga первый произвел подсчет всех отличающихся друг от друга иероглифов, более или менее правильно определив их число в 958 знаков. Он определенно высказался в пользу существования чисто звуковых иероглифов, впервые применив к ним термин «фонетических» знаков. Наконец, он рядом новых соображений подтвердил высказанное еще до него Barthelemy предположение, что группы иероглифов, заключенные в овальные рамки, служили для передачи собственных имен. Вместе с тем, изучение коптской письменности настолько подвинулось вперед, что Quatremère, основываясь на целом ряде неоспоримых данных и современных свидетельств,

⁹ *Grammaire égyptienne* (1836–41) т. I, с. 22–25.

¹⁰ *Précis*. С. 435.

¹¹ См. Kircheri *Obeliseus Pamphilins*, 1650, с. 557; *Champ. Précis*, с. 436.

¹² *Précis*, с. 439.

¹³ О взглядах Zoëga ср. Bunsen. *Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte*. 1845. Т. I, с. 371.

мог установить, что коптский язык есть тот же древне-египетский язык, для передачи которого на письме египтяне, по принятии ими христианства, стали пользоваться буквами греческого алфавита¹⁴.

Названные ученые были уже современниками знаменитой экспедиции Наполеона в Египет, открывшей широкий доступ изучению египетских памятников. Основанный в Каире институт, занятый изучением не только природы и современного состояния страны, но также ее древних памятников, в течение трехлетнего пребывания французской армии в Египте собрал огромный материал, легший впоследствии в основу знаменитого *Description de l'Égypte* (Paris, 1809–1813). Но еще задолго до того, как материал этот мог быть обработан и опубликован, в Европе появились копии надписей Розеттского камня¹⁵, найденного в августе 1799 г. французскими солдатами, производившими фортификационные работы в укреплении Сен-Жульен (близ г. Розетты). Памятник, послуживший исходным пунктом для дешифровки египетских письмен, содержал, как известно, наряду с иероглифической и демотической надписью греческий текст¹⁶ с постановлением египетских жрецов в честь Птолемея Эпифана, от 196 г. до Р. Хр. Заключительные слова текста, содержащие указание, что надпись высечена «священными, туземными и греческими письменами», не оставляла сомнения в том, что египетские надписи памятника соответствуют по содержанию греческому тексту.

Первым, кто приступил к изучению египетской надписи Розеттского камня, был виднейший французский ориенталист того времени S. de Sacy, изложивший результаты своих исследований в своем *Lettre au citoyen Chaptal au sujet de l'inscription égyptienne de Rosette* (Paris, 1802). Незадолго до того Barthelemy нашел ключ к пониманию финикийского шрифта, а самому Саси удалось впервые разобрать персидские письмена времен Сассанидов; в обоих случаях исходным пунктом для дешифровки послужили встречающиеся в текстах собственные имена. Приступая к изучению надписей Розеттского камня, Сасу попытался применить к ним тот же метод. Греческий текст содержит ряд собственных имен¹⁷, причем некоторые из них повторяются в тексте по 2 раза и чаще; естественно было ожидать, что имена эти переданы в соответствующих частях египетских надписей. Но большинство собственных имен сосредоточено в начальной части греческого текста; соответствующая часть иероглифического текста была, очевидно, утеряна. Это обстоятельство в связи с господствующим мнением о чисто идеографическом характере иероглифического письма заставило Саси отказаться от разбора иероглифического текста и сосредоточить все внимание на изучении демотической надписи, которую он считал составленной из чисто фонетических знаков. Выяснив повторяемость собственных имен в греческом тексте, Сасу попытался отыскать в демотической надписи повторяющиеся группы демотических знаков, удаленные друг от друга промежутком, пропорциональным расстоянию между соответствующими сходными именами греческого текста.

На основании просто арифметического расчета¹⁸ можно было заранее предположить, что имя Александр стоит во 2-й строке демотического текста, а сходное с ним слово Александрия должно находиться в 10-й строке; в намеченных местах, действительно, оказались две одинаковые группы демотических знаков, которые Саси правильно принял

¹⁴ Ср. Champ. Précis, с. 441.

¹⁵ Первую филологическую разработку иероглифической надписи Розеттского камня дал ученик Шампольона Salvolini: *Texte hiéroglyphique et démotique de la pierre de Rosette*. Paris 1836. Все три текста в натур. вел. воспроизведены у Лепсиуса — *Auswahl der wichtigste Urkunden d. Aegypt. Altertums*. Leipzig 1842. См. еще F. Chabas. *L'inscription hiéroglyphique de Rosette*. Paris 1867.

¹⁶ Верхняя часть камня оказалась сильно поврежденной, так что от иероглифической надписи оставалось всего 14 неполных строк; демотическая надпись состояла из 32, греческая — из 54 строк.— Разработку греческой надписи дали английский ученый Rosson и геттингенский филолог Неупе.

¹⁷ Птолемей, Аэт, Александр, Александрия, Вероника, Пирра, Филия, Арсиноя, Ария, Диоген, Ирина, Ксандик.

¹⁸ Имя Александр стоит в 4-й строке греческого текста, а слово Александрия — в 17-й; так как на 54 строки греческого текста приходится 32 строки демотического, то соответствующие демотические группы должны находиться в 2-й и 10-й строках.

за демотические написания названных слов. Совершенно аналогичным путем он точно определил демотические группы, соответствующие именам Птолемея и Арсинои, но он не сумел правильно разложить найденные им демотические группы на составные элементы. Считая при данных условиях разрешение проблемы научным путем невозможной, он отказался от дальнейших попыток дешифровки.

Тем не менее в том же году шведскому ученому Окербладу удалось значительно подвинуть вперед дешифровку демотических письмен. Получив от Саси копию надписей Розеттского камня, он приступил к изучению демотического текста, считая его написанным чисто фонетическими знаками и составленным на языке, весьма близком к коптскому. Определив, согласно с Саси, демотические группы, соответствующие именам Птолемея, Арсинои и Александра, он более или менее правильно разложил их на составные элементы, придавая отдельным демотическим знакам значения, указанные на рис. 2. Большинство звуков, входящих в состав разобранных имен, попадает в них по 2 раза и чаще, что давало возможность проверить правильность чтения соответствующих демотических знаков. Из них знаки для *a*, *e*, *l* и *t* не возбуждали сомнений, повторяясь всюду на тех местах, где их ожидал найти Окерблад¹⁹. Знаки для *o* и *s* определены были Окербладом не вполне точно²⁰. Для звуков *n* и *r* оказалось по 2 различных знака, но все 4 знака, были точно отгаданы, так же, как знаки для *k*, *m* и *p*, встречающиеся в разнообразных именах лишь по одному разу. Это лучше всего доказывалось тем, что при помощи найденного значения демотических знаков можно было свободно прочесть все остальные греческие имена демотической надписи²¹.

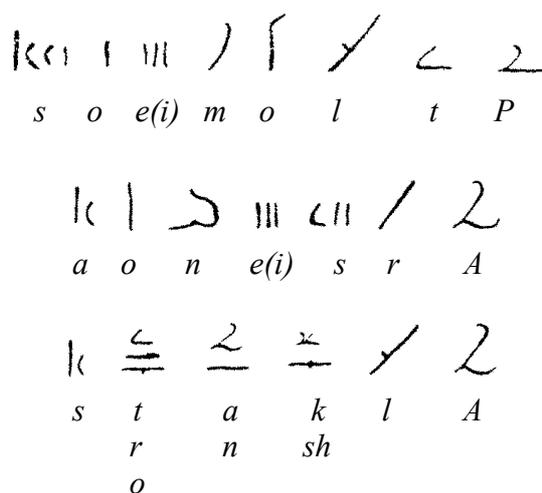

Рис. 2.

Анализ греческих имен дал возможность установить значение лишь тех демотических знаков, которые служили для передачи звуков греческой речи. Стремясь пополнить свой алфавит новыми знаками, которые, по его мнению, должны были соответствовать специфически египетским звукам²², Окерблад попытался прочесть несколько чисто египетских слов. Ему, действительно, удалось определить демотические группы для таких слов, как «царь», «храм», «жрец», «Египет», которые в греческом тексте повторяются по 20 раз и более. Правильно сопоставляя эти группы с соответствующими коптскими словами,

¹⁹ Ср. (на рис. 2) первый знак имени Арсинои с первым и пятым знаком имени Александра; третий знак имени Птолемея с вторым имени Александра и т. д.

²⁰ Он правильно читал их в середине имен, но неправильно в окончании *os*; ошибка была вызвана тем, что Окерблад придавал фонетическое значение последним двум штрихам, которые в действительности представляют собой демотический фрагмент картуша (что первый понял Юнг: *Miscellan. Works*, III, с. 156); неточное определение знака ξ повлекло за собой неправильное чтение предшествующего знака.

²¹ В имени Вероники оказался только один новый знак для *b*; имена Филия и Диоген могли быть прочитаны при условии замены *f*, *g* и *d* через *p*, *k* и *t* в остальных именах не оказалось новых знаков.

²² Для передачи которых в коптской азбуке существует ряд букв не-греческого происхождения.

он пытался разложить их на составные элементы, — но при этом наткнулся на непреодолимые для него затруднения. Окерблад упустил из виду, что египетские слова написаны совершенно без гласных; кроме того, он не мог знать о существовании детерминативов, так как он вообще не подозревал идеографического элемента демотического письма. Эти обстоятельства обрекли на неудачу его дальнейшие попытки дешифровки.

Все же составленный им демотический алфавит и удачные сопоставления отдельных демотических групп с коптскими словами являются первым крупным шагом на пути к дешифровке египетских писем²³. Исследования Окерблада (Åkerblad) изложены в его *Lettre sur l'inscription egyptienne de Rosette, adr. au S-en S. de Sacy* (Paris. 1802).

В настоящее время может казаться поразительным, что выяснение значения алфавитных демотических знаков могло быть достигнуто ранее дешифровки иероглифов. Однако, сто лет тому назад все виды египетского письма были одинаково недоступны пониманию; между тем чисто курсивный характер демотических знаков, напомиравших по внешнему виду арабские или сирийские буквы²⁴, заставлял предполагать в них чисто фонетическое письмо. Строгое отделение демотики от иероглифики дало возможность Саси и Окербладу применить к выяснению вопроса точные методы научного исследования. Но это же изолирование демотики от иероглифики предопределяло границы возможных в данном направлении достижений. Новый свет на характер демотического письма могло пролить только выяснение вопроса об отношении его к иероглифической системе, но для разрешения этой проблемы необходимо было выйти за пределы надписей Розеттского камня и привлечь к изучению более обширный и разнообразный материал.

Одновременно с Розеттским камнем в Лондон поступила значительная коллекция египетских памятников, собранных в Египте участниками экспедиции Наполеона и уступленных Англии после капитуляции французской армии; но на первых порах памятники эти были мало доступны за пределами Британского музея. С другой стороны, разрабатывавшийся в Париже обширный материал для *Description* до 1809 г. оставался достоянием тесного крута членов комиссии, подготавливавшей издание. Виднейший из них, участник Наполеоновской экспедиции Jomard сам усердно работал над дешифровкой иероглифов, ревниво оберегая от посторонних взоров находящийся в его распоряжении богатый материал. Единственным положительным результатом его изысканий в этом направлении было, повидимому, установление значения иероглифических знаков для единиц, десятков, сотен и тысяч²⁵ дававших возможность разобрать даты и числа, встречающиеся на египетских памятниках.

Почти одновременно с Jomard'ом то же открытие, независимо от него, было сделано известным английским физиком и математиком Th. Young'ом, который в 1814 году заинтересовался дешифровкой египетских писем. Одним из важнейших открытий его является установление связи между демотическими письменами и иероглифами²⁶.

Исходным пунктом для выяснения вопроса послужили наблюдения Юнга над рядом заупокойных папирусов, прекрасно воспроизведенных в *Description* и в атласе Denon'a²⁷. Папирусы эти, как известно, содержали наряду с текстом значительное количество изображений, обычно повторяющихся в том же порядке в различных экземплярах «Книги мертвых», написанных то курсивным шрифтом, то иероглифами. Тесная связь между изображениями и сопровождающим их текстом, вполне очевидная в иероглифических папирусах, давала основание предполагать, что тексты, сопровождающие одинаковые

²³ Brugsch (*Aegyptologie*, с. 9) находит, что он не только положил начало изучению демотики, но отчасти предвосхитил метод дешифровки иероглифов.

²⁴ ср. Young. *Misc. Works*, III, с. 131.

²⁵ ср. Brugsch *Aegyptologie*, с. 10.

²⁶ Юнг проглядел, однако, различие между иератическими и демотическими письменами, называя те и другие "энхорическими" (термин, заимствованный из греческого текста Розеттск. камня) и применяя термин "иератический" для обозначения т. н. штриховых иероглифов.

²⁷ *Voyage dans la basse et la haute Égypte pendant les campagnes du gén. Bonapart*. Paris. 1802–3.

изображения, имеют в различных папирусах одинаковое содержание. Сравнивая параллельные отрывки курсивных и иероглифических папирусов, Юнг поражен был сходством отдельных курсивных знаков с соответствующими иероглифами, в которых он впервые узнал их первообразы²⁸. Сопоставление соответствующих отрывков, написанных то иероглифами, то курсивным письмом (см. рис. 3)²⁹, давало возможность не только проследить постепенный переход от иероглифов к курсивным знакам, но показывало вместе с тем, что порядок следования знаков в курсивных текстах более или менее соответствует порядку следования иероглифов, из чего можно было заключить, что курсивное письмо построено в общем по тому же принципу, что и иероглифическое³⁰.

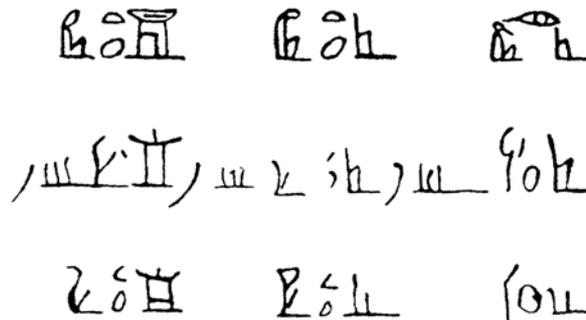

Рис.3.

Из сделанного Юнгом открытия логически вытекают два положения:

1. Если демотическое письмо представляет собой лишь позднюю стадию развития иероглифического, то демотические знаки должны, подобно иероглифам, иметь преимущественно идеографическое значение.

2. Если, тем не менее, в демотической надписи Розеттского камня Окербладом обнаружено определенное количество алфавитных знаков, при помощи которых могли быть переданы греческие имена, то, принимая во внимание, что этим знакам должны соответствовать определенные иероглифы, служившие для них первообразами, можно заключить, что некоторая часть иероглифов имела звуковое значение. Это положение, как увидим ниже, принято было Юнгом лишь с очень существенной оговоркой³¹, в сильной степени обесценивавшей его значение.

Первое из установленных положений удовлетворительно объясняло, почему алфавит Окерблада оказался неприменимым для большей части демотической надписи и заставлял искать новых путей для ее дешифровки. Если демотическое письмо построено по тому же принципу, что и иероглифическое и носит преимущественно идеографический характер, то безнадежно пытаться дешифровать его при помощи филологических приемов. Поэтому Юнг возвращается к «математическому» методу Саси, состоящему, собственно, в материальном сравнении параллельных текстов. Саси и Окерблад, выделив ряд демотических групп, соответствующих словам, повторяющимся десятки раз в обоих текстах, тем самым установили значительное количество точек соприкосновения между демотической надписью и греческим переводом. Пользуясь этими данными, как вехами и стремясь путем нахождения новых вех постепенно уменьшать промежутки между ранее установленными, Юнг пытается

²⁸ В одном из папирусов несколько заглавных строк, написанных иероглифами, повторены были в рядом стоящем курсивном тексте, что значительно облегчало сопоставление курсивных знаков с соответствующими иероглифами.

²⁹ Рисунок воспроизводит отрывок из параллельных текстов, приложенных Юнгом к его известной статье о Египте в Британской энциклопедии (Misc. Works III, табл. V при с. 197).

³⁰ Юнг признает, что демотический текст Розеттского камня обнаруживает меньше сходства с иероглифами, чем курсивный шрифт заупокойных папирусов, но он объясняет это более поздним происхождением памятника, полагая, что курсивное письмо с течением времени все более уклонялось от своего иероглифического прообраза (ibid, с. 135).

³¹ Юнг полагал, что иероглифы могли иметь звуковое значение только при передаче иностранных собственных имен в греко-римское время.

приравнять отдельные демотические группы соответствующим словам греческого текста. Результатом подобных исследований Юнга является его «гипотетический перевод» демотической надписи Розеттского камня³², из сопоставления которого с английским переводом греческого текста³³ выясняются некоторые мелкие несоответствия в стиле и порядке следования отдельных выражений между обеими текстами³⁴. Разумеется, подобный «перевод» мало мог способствовать уяснению дела, и Окерблад был прав, говоря, что он «не понимает цели этого перевода, так как задача заключается в том, чтобы найти алфавит, при помощи которого можно было бы отделить и прочесть египетские слова, а вовсе не в том, чтобы выяснить общий смысл надписи, который несомненно совпадает с содержанием греческого текста»³⁵.

Но Юнг был убежден, что подобный алфавит никогда не может быть найден. Как сильно ни отличался демотический текст Розеттского камня от курсивного шрифта заупокойных папирусов, Юнг не сомневался, что и этот текст изобилует идеографическими знаками, и убеждение это основано было на целом ряде точных наблюдений³⁶. Ясно было, что изучение демотики отнюдь не представляет меньше трудностей, чем изучение иероглифов, — быть может даже больше постольку, поскольку иероглифы, по крайней мере, представляют собой ясно различимые рисунки, которые в отдельных случаях употребляются в значении изображенных ими предметов.

Таким образом, Юнг первый приступил к изучению иероглифического текста Розеттского камня, пользуясь тем же методом, который послужил ему для анализа демотической надписи. Но здесь дело существенно осложнялось тем, что верхняя часть памятника была сильно повреждена, так что нельзя было знать, какая часть греческого текста соответствует сохранившейся части иероглифической надписи и было безнадежно искать в последней греческие имена, сосредоточенные преимущественно в начальной части греческого текста. Одно только имя Птолемея часто повторяется на всем протяжении греческой надписи; уже Zoëga утверждал, что собственные имена в иероглифических текстах окружены овальной рамкой. На Розеттском камне оказалось шесть картушей, но только двоякого типа (см. рис. 4); из сличения картушей вытекало, что все они передают одно и то же имя; лишние иероглифы в более длинном картуше, очевидно, передавали титулы «живущий вечно, любимый Птахом»³⁷ прибавленные к царскому имени в греческом тексте. Но если в сохранившейся части иероглифической надписи можно было обнаружить только одно царское имя, повторенное шесть раз, то вполне естественно было отождествлять его с Птолемеем, так как ни одно другое имя не повторяется достаточно часто в греческом тексте.

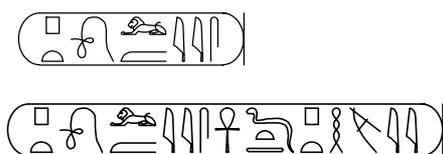

Рис. 4

³² Опубликовано в *Museum Criticum of Cambridge, Part VI, 1816*; перепечатан: *Misc. Works, III, С. 3* сл.

³³ Перевод, сделанный Gough'ом по копии Porson'a заимствован Юнгом *Dr. Clarke's Greek Marbles (1809, P. 58)*.

³⁴ Вместе с этим трудом Юнга, опубликовано письмо его к Саси, писанное еще в октябре 1814 г., в котором он пытается пополнить алфавит Окерבלада новыми знаками.

³⁵ Письмо Окерבלала к Юнгу от 19 апр. 1818 г.—*Misc. Work, III, с. 72*.

³⁶ Помимо сходства во внешнем начертании многих демотических знаков с соответствующими иероглифами. Юнг констатирует в демотическом тексте трехкратное повторение знака для выражения множественного числа, сходные с иероглифами знаки для передачи числительных и фрагменты картуша в начале и конце царских имен. См. *Young. Discoveries in Hieroglyphical Literature (ibid. С. 273* сл.).

³⁷ Что первый из этих иероглифов, напоминающий крест (т. н. *сгх ansata*) означал понятие "жизнь", — предполагал уже Lacroze — Юнг ссылается также на древнее известие (у Сократа и Руфина) согласно которому египетские жрецы объясняли своим христианским завоевателям при Феодосии (которые намеревались разрушить Серапеум в Александрии), что столь часто изображенный на египетских храмах крест служил символом будущей жизни: *Misc. Works III, с. 168*.

Дальнейшим подтверждением сделанного сопоставления послужило сличение иероглифического написания имен Птолемея с демотическим, причем Юнгу удалось отождествить три иероглифа картуша (первый, второй и предпоследний) с их демотическими эквивалентами, которые, согласно алфавиту Окерблода, имеют значения: *p*, *t* и *i*. Полагая, что написание имени Птолемея представляет собой комбинацию алфавитного и слогового письма, Юнг, обходя третий иероглиф картуша, как несущественный, произвольно придает остальным трем фонетические значения: *ole*, *ma* и *osh*, и комбинируя их с установленными алфавитными знаками (с некоторой натяжкой) составляет из 6 иероглифов картуша имя Ptolemaios³⁸.

Анализ имени Птолемея представляет для Юнга преимущественно тот интерес, что он дает, по его мнению, возможность проследить, каким образом звуковое письмо могло произойти от идеографического: названия предметов, изображенных иероглифами, должны содержать звуковые элементы, при помощи которых может быть составлено данное имя. Но фонетические значения присущи иероглифам лишь постольку, поскольку они служат для передачи иностранных собственных имен; принцип фонетического письма заимствован египтянами у греков. Картуш служит отличительным признаком того, что помещенные в нем иероглифы имеют в данном случае фонетическое значение³⁹. Отсюда понятно, что анализ собственных имен, даже если бы он был сделан правильно, — не мог бы послужить для Юнга (как впоследствии для Шампольона), исходным пунктом дешифровки иероглифов, которые, независимо от иностранных собственных имен, имеют, по его мнению, чисто идеографическое значение.

Единственным средством для разгадки иероглифов остается для него механическое сопоставление иероглифического текста с греческим переводом. Повторение картуша с именем Птолемея, устанавливая определенные точки соприкосновения для подобного сличения, давало возможность приблизительно определить, какая часть греческого текста соответствует сохранившейся части иероглифического текста. С другой стороны, наблюдая повторяемость наиболее употребительных слов греческого текста, как, например: «жрец», «наос», «царь», «бог», измеряя промежутки между повторяющимися словами и перенося их пропорционально, начиная с конца, на иероглифический текст, можно было надеяться найти иероглифы, соответствующие названным словам. Таким путем Юнгу, действительно, удалось правильно отгадать значения этих 4-х иероглифов⁴⁰ — (см. рис. 5), что давало новые точки соприкосновения для дальнейшего сличения иероглифического текста с греческим. Повторяя прием, примененный им для анализа демотического текста, Юнг имел возможность отождествить ряд отдельных иероглифов и иероглифических групп с соответствующими словами греческого перевода.

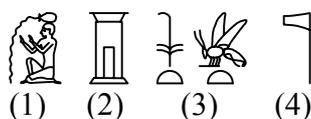

Рис 5.

Результаты иероглифических исследований Юнга опубликованы были в 1819 г., в его статье о Египте для Британской энциклопедии, которая в свое время была охарактеризована как «величайшее достижение учености и проницательности, которой

³⁸ Иероглиф "сидящего льва" Юнг читает *ole*, сопоставляя его с коптским *oili* ("баран") и *eiul* ("олень") на том основании что, в курсивных текстах не редко бывает похож на льва (!); стоящий под львом знак он читает *ma* (по-коптск. "место") или *m*; последний иероглиф картуша означает "большой" (?) и читается *osh* или *os*; третий иероглиф отсутствует в других написаниях имени Птолемея; *ibid.* С. 57.

³⁹ Это мнение Юнга основано на предполагаемом им сходстве иероглифического письма с китайским, в котором для подобных целей применяется аналогичный знак; *ibid.* С. 156.

⁴⁰ Иероглифы для слов "жрец" и "наос" употреблены в значении изображенных ими предметов, знаки для слов "царь" и "бог" установлены на основании повторяемости впереди и позади картуша Птолемея; *ibid.*, с. 133.

может гордиться современная литература»⁴¹. В статье дано объяснение свыше 200 отдельных иероглифов и иероглифических групп, из которых 77 впоследствии были признаны Шампольоном правильно истолкованными. Здесь мы находим, между прочим, объяснение иероглифических групп, содержащих имена богов: Ра, Тота, Осириса, Исиды, Нефтиды и Аписа⁴². Из царских имен греко-римской эпохи Юнг, помимо имени Птолемея, открыл еще картуш с именем Вероники, но неправильно разложил его на составные элементы⁴³; картуш с титулом *autocrator* он принял за имя Арсинои. Из 30 картушей, которые Юнг более или менее произвольно сопоставляет с заимствованными у древних авторов именами египетских фараонов, правильно отождествлен только картуш с именем Тутмоса, в котором Юнг узнал иероглиф, изображающий посвященного Тоту ибиса, не отдавая себе отчета в значении остальных иероглифов.

Достигнутые Юнгом результаты носят на себе явный отпечаток его метода, быть может, единственно возможного при предположении о чисто идеографическом значении иероглифов, но неизбежно влекущего за собой все ошибки, вытекающие из механического сопоставления параллельных текстов. Наиболее ярким примером является промах, допущенный им при объяснении иероглифических групп, соответствующих титулу «любимый Птахом»⁴⁴, в котором Юнг принял за имя бога Птаха группу иероглифов, означающую слово «любимый» и наоборот. А чисто фонетически написанное имя Псамметиха он присваивает Сесострису на том основании, что римский обелиск, на котором высечен картуш, по свидетельству Плиния, сооружен был в Египте этим фараоном. Между тем, в обоих именах Птаха и Псамметиха, начальный звук передан тем же знаком, что и в имени Птолемея, где он был правильно определен Юнгом. Пренебрегая фонетическими значениями иероглифов при отождествлении собственных имен, Юнг еще менее останавливается на филологическом анализе остальных египетских слов. Устанавливая значение иероглифических групп, он обычно сопоставляет их с предполагаемыми коптскими эквивалентами, изредка правильно подобранными⁴⁵, но он ни разу не пытается устанавливать связь между данными иероглифами и соответствующими звуками египетской речи. И хотя целый ряд метких наблюдений, сохранившихся в его посмертных рукописях⁴⁶, показывает, как близко он минутами соприкасался с истиной, он все же никогда не мог освободиться от унаследованного от древних предразсудка об идеографическом характере иероглифов, который скрыл от него действительное положение вещей. Мы увидим ниже, что тот же предразсудок в течение нескольких лет продолжал тяготеть и над его более счастливым преемником, гениальным основателем египтологии, которому пришлось выдержать продолжительную и упорную борьбу с самим собой, пока его мощному духу не удалось рассеять навеки туман, застилавший глаза всем, кто до него пытался проникнуть в тайну иероглифов.

⁴¹ Ibid., с. 86 (Edinburgh Review № 45, с. 114).

⁴² Из 32 групп, помещенных под рубрикой "боги" 26 объяснены неправильно см. Misc. Works, III, табл. I при с. 196.

⁴³ Картуш Вероники см. ниже рис. 6,(2). 1-й иероглиф напоминает Юнгу "корзинку", и он сопоставляет его с коптским *bir*; 2-й иерогл. он неточно читает *e*; 3-й и 4-й он правильно читает *n* и *i*; 5-й он считает излишним; 6-й он сопоставляет с коптским *ken* "гусь"; последние 2 иерогл. ему известны, как окончание женск. р. в именах богинь. — Ibid., с. 159.

⁴⁴ В греческом тексте стояло "любимый Птахом", между тем как иероглиф. текст имел: "Птахом любимый".

⁴⁵ Напр. для "звезды", для "письменного прибора" для "жреца" и т. п.— Misc. Works III, при с. 196.

⁴⁶ В извлечении даны у Peacock'a. Life of Fh. Young. С. 302 сил. Юнг знал, что змейка *f* служит для обозначения суф. 3-го лица, что группа *nf* означает "to him", что оба иероглифа для *m* могут заменять друг друга и означают "in", что оба знака для *n* служат для обозначения род. или дат. падежа и "превращают имя существ. в прилагат." и мн. др.

II

Главной заслугой Юнга было установление связи между курсивным шрифтом и иероглифическим. Благодаря этому открытию, он оказался первым, кто правильно понял всю сложность проблемы, связанной с изучением демотического письма, и, доказав несостоятельность приемов Окерблода, перенес центр тяжести дешифровки в изучение иероглифов. Но было бы ошибочно думать, что то или иное из открытий Юнга навело Шампольона на правильный путь; высказанные Юнгом притязания на приоритет не могут быть признаны основательными. Не говоря уже о том, что те же открытия были независимо от него сделаны самим Шампольоном, ни одно из них не могло бы иметь существенного значения для дешифровки, если бы в сознании Шампольона не возникла впервые мысль о преобладающем значении фонетического элемента во всех видах египетской письменности и во все времена. Эта мысль, имевшая решающее значение для успеха дешифровки, является исключительным достоянием Шампольона. Она рано зародилась в нем, он впоследствии сильно уклонился от нее, но, окончательно вернувшись к ней в 1822 г., он скорым и уверенным шагом направится к осуществлению заветной цели всей своей жизни и в несколько лет положил прочное основание науке, блестящее развитие которой на протяжении истекших ста лет является лучшим венцом его славы, единственно достойным его гения и наиболее соответствующим его собственным стремлениям.

Жизнь и деятельность Шампольона, сравнительно недавно стали известны во всей полноте, благодаря двухтомной биографии Hartleben⁴⁷, создавшей яркий образ основателя египтологии на оживленном фоне культурной и политической жизни тогдашней Франции. Для истории египтологии ценно стремление автора проследить процесс развития научных идей Шампольона в связи с попытками его предшественников, а также документальное установление ряда фактов, проливающих новый свет на оригинальность его открытий и уровень достигнутых им результатов.

Жан-Франсуа Шампольон родился 23 декабря 1790 г. в г. Фижаке, на юге Франции, в семье зажиточного книготорговца. Десяти лет он переехал в Гренобль, к старшему брату, который взял на себя его воспитание. С приездом в Гренобль участника Наполеоновской экспедиции Фурье связано первое знакомство Шампольона с памятниками древнего Египта, произведшими глубокое впечатление на вдумчивого мальчика, у которого уже тогда не только зародилось желание разгадать иероглифы, но явилась также уверенность, что именно ему суждено сделать это открытие. Но наряду с полу-мистической верой в свое призвание, Шампольон с ранних лет обнаруживает упорное стремление к неутомимой деятельности, направленной на определенную цель. В 12 лет он самостоятельно сопоставляет известие о Египте древних авторов⁴⁸, которых он читает в подлинниках. Вместе с тем он по собственному почину изучает семитские языки (древне-еврейский, арабский, сирийский, халдейский), интересуется китайскими письменами, пытаясь сопоставлять их с египетскими иероглифами; несколько позднее начинается его увлечение коптским языком, которым он впоследствии владел в совершенстве. Уже на школьной скамье им задуман обширный труд о Египте времен фараонов, первая часть которого посвящена исторической географии Египта, и непосредственно по окончании лицея он мог представить Гренобльской Академии наук составленную им географическую карту Египта и прочесть уже готовое введение к своему труду. Два года университетской жизни в Париже (1807–1809) прошли в обстановке, весьма благоприятной для приобретения тех знаний, которые необходимы были будущему основателю египтологии. Занимаясь древней историей и классической филологией в *College de France*, он изучает восточные языки (санскрит, зенд, пехлеви в *École speciale des langues orientales*, где преподавал в то время знаменитый Саси. В Национальной

⁴⁷ "Champollion, sein Leben und sein Werk" von H. Hartleben. Berlin, 1906. Биография эта является результатом десятилетнего труда: автор использовал неизданные рукописи Шампольона в Парижской Национальной библиотеке и кроме того собрал и обработал обширный и ценный материал.

⁴⁸ Геродота, Диодора, Страбона, Плиния, Плутарха.

библиотеке он работает над коптскими рукописями; войдя в сношения с членами комиссии, работавшей над изданием *Description*, он получает копии надписей Розеттского камня и, кроме того, старается скопировать все иероглифические и курсивные тексты, доступ к которым открывало ему пребывание в Париже.

Ко времени студенчества относится его первый, пока еще неудачный, опыт дешифровки. Не решаясь приступить к иероглифическому тексту Розеттского камня, он занимается разбором воспроизведенного у Денона заупокойного папируса, и, приняв иератический шрифт его за демотический, пытается читать его с помощью алфавита Окерблода. Ему казалось, что он в состоянии разобрать первые полторы строки текста, и он спешит сообщить брату о сделанном им «первом шаге»⁴⁹, но в «перевод» он, по свидетельству Hartleben, дает широкий простор своей фантазии, — прием, который он впоследствии так справедливо осуждал у своих предшественников. Все же опыт представляет некоторый интерес, свидетельствуя об оригинальности его подхода.

За студенческими годами в Париже следует несколько лет профессорской деятельности в Гренобльском университете. Затем научная деятельность Шампольона на несколько лет прерывается вследствие политических событий, связанных с падением Наполеона и историей «ста дней». Вовлеченный в политическую борьбу старшим братом, ставшим в близкое отношение к Бонапарту, Шампольон выступает поборником Наполеона, которого он имел случай лично узнать во время пребывания последнего в Гренобле, где в марте 1815 года встретились лицом к лицу оба «завоевателя Египта». По реставрации Бурбонов братья Шампольоны подверглись преследованию. Для Шампольона наступает период лишений и борьбы за существование, который он проводит отчасти в ссылке в Фижаке, отчасти снова в Гренобле, где он вынужден заниматься педагогической деятельностью.

В 1821 г. Шампольон приехал в Париж и всецело посвятил себя изучению египетской письменности. Прошло 13 лет с тех пор, как им сделан был «первый шаг» в этом направлении, и за это время Шампольон опубликовал, как известно, всего лишь два доклада, отделенные друг от друга более чем десятилетним промежутком. Посвященные вопросу о взаимоотношении и характере различных видов египетского письма, они являются выражением диаметрально противоположных взглядов, оба колеблясь между истиной и заблуждением; в отношении основного вопроса о роли фонетического элемента в египетском письме второй доклад бесспорно стоит позади первого. Между тем, через год Шампольон обладает полным окончательным разрешением всей проблемы, что естественно, производит впечатление внезапно сделанного открытия, которое современники склонны были отнести за счет влияния Юнга, будто бы указавшего Шампольону правильный путь. Мы же, через сто лет, не сомневаясь в безусловной оригинальности его открытия и сознавая все неизмеримое значение достигнутых им результатов, стоим перед неразрешенной загадкой, тщетно пытаясь проникнуть в недостижимые тайники его творчества. Установлено, что сознание истины мгновенно озарило его в такой момент, когда методическая разработка его научных построений сильно отвлекла его от прямого пути⁵⁰. Но столь же несомненно и то, что разрешение проблемы медленно назревало в нем, как результат упорного, неутомимого труда, и мы знаем с его собственных слов, что он более, чем кто-либо из его предшественников, стремился «ничего не *отгадывать*, но во всем убеждаться на основании фактов, чрезвычайно многочисленных, очевидных самих по себе, внимательно наблюдаемых и тщательно сравниваемых» (*do ne rien deviner, mais de me tout démontrer par des fails très multipliés, évidents par eux — mêmes, observés avec attention et comparés avec sévérité*)⁵¹. В истории научных открытий дешифровка иероглифов Шампольоном, опрокинувшая

⁴⁹ Отрывок из письма Шампольона к брату, озаглавленный "Mon premier pas", в извлечении воспроизведен в биографии Hartleben: т. II, с. 587 (ср. т. I с. 108 сл.; т. I, с. 374).

⁵⁰ Ср. предисловие Ed. Meyer'a к биогр. Hartleben, т. I, с. XV.

⁵¹ Champ. Précis, с. 301.

многочисленные попытки предшественников на протяжении трех столетий⁵², служит ярким примером победы точного наблюдения конкретных данных над априорными построениями, основанными на предвзятом мнении или авторитете древности, — победы, одержанной им до известной степени и над самим собой. Устраняя вопрос о руководившей Шампольоном гениальной интуиции, попытаемся восстановить приведший его к цели процесс «наблюдения и сравнения многочисленных фактов», — пользуясь преимущественно собранными Hartleben материалом и привлекая из позднейших трудов Шампольона то немногое, что может отраженным образом пролить свет на предшествующие стадии его деятельности.

Исходным пунктом его исследований послужило сравнительное изучение различных видов египетского письма, результаты которого изложены в докладе, представленном Гренобльской Академии в 1810 году⁵³. За 4 года до того, как Юнг заинтересовался дешифровкой иероглифов он строго разграничивает иератические и демотические тексты. Выяснив соответствие многих знаков демотического и иератического письма, он замечает в последнем ряд знаков, близко стоящих к иероглифам, впервые устанавливая связь между тремя системами египетского письма, но не отдавая себе ясного отчета в порядке их возникновения. Видя в иероглифах окончательное завершение египетского письма, он считает демотические письма древнейшими, правильно рассматривая иератику, как промежуточное звено между демотикой и иероглифами. Что касается значения письменных знаков, то оба курсивных шрифта он считает алфавитными; иероглифическое же письмо, насчитывающее несколько сот знаков, конечно, не могло быть алфавитным, но все же оно служило, по его мнению, для передачи не только мыслей, но также звуков человеческой речи. Выделив в отдельную группу иероглифы, имеющие чисто символическое значение, он, ссылаясь на свидетельство Порфирия⁵⁴, рассматривает их, как особый вид письма, составленного из таинственных знаков, понятных одним жрецам; остальные три шрифта были, по его мнению, доступны далеко за пределами жречества. Интересно в этом раннем труде Шампольона идущее в разрез с общим мнением определенно высказанное суждение о тесной связи иероглифов с звуками речи.

Для Шампольона дешифровка иероглифов была лишь средством, ведущим к определенной цели — восстановлению древне-египетского языка, который один мог раскрыть ему историю и культуру древнего Египта. Заключающийся в проблеме логический круг, состоящий в том, что язык может быть восстановлен только при выяснении звукового значения иероглифов, которое в свою очередь должно быть установлено на основании языка⁵⁵, — он надеялся обойти при помощи коптского языка, который он считал тождественным с языком иероглифических надписей. Но на первых порах его обширные знания в коптском языке не могли помочь ему преодолеть даже демотического текста Розеттского камня за отсутствием в коптском словаре эквивалентов для многих его выражений.

Чтобы отдать себе отчет в стоявших перед ним трудностях, нужно вспомнить сложную структуру иероглифического письма, состоящего одновременно из идеографических и фонетических знаков, подразделяющихся на словесные, стоговые и чисто алфавитные знаки, а также причудливое переплетение идеографического и фонетического элементов, при котором одно и то же слово может быть написано либо чисто фонетически, либо чисто идеографически, либо при помощи комбинации идеографических и фонетических знаков⁵⁶. Подобная структура письма, которая ни в коем случае не могла быть предположена а priori, имела своим последствием то, что самые различные предположения

⁵² Ibid, с. 299.

⁵³ Sur les écritures anciennes des Egyptiens. Mémoire. (Rev. archéol. 1857. Vol. XIV, p. 592–94: извлечение).

⁵⁴ В "Жизнеописании Пифагора" 11 (ed. Didot); см. Marestaing, Les écritures égyptiennes. С. 105 сл.

⁵⁵ Еще в 40-х годах прошлого века это возражение выдвигалось против возможности восстановления древне-египетского языка на основании иероглифических текстов: ср. Bunsen. Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte. I, с. 310 сл.

⁵⁶ Заметим еще, что фонетические знаки первоначально были идеографическими и лишь в процессе развития письма получили чисто фонетическое значение: с другой стороны идеографические знаки в отдельных случаях употребляются также в значении фонетических.

могли найти для себя частичное подтверждение в фактах, и самые противоположные теории, одной стороной соприкасаясь с истиной, могли, долго конкурировать друг с другом. С этой точки зрения становится до известной степени понятным сложный генезис идей Шампольона, разнообразие примененных им методов и долгие колебания между противоположными полюсами.

Первоначально он исходит из предположения об однородной структуре иероглифического письма. Отнеся символические иероглифы к особому виду письма, он тем самым устраняет из «чисто иероглифического» письма элемент совершенно не поддающийся звуковой квалификации. Остальные иероглифы он считает однородными по своей природе слоговыми знаками, соответствующими односложным, по его мнению, корням египетского языка; считая древне-египетский язык тождественным с коптским, он полагает, что грамматические соотношения должны быть выражены в иероглифических текстах, при помощи тех же суффиксов, что и в коптском языке. Для передачи их он предполагает наличие 6 алфавитных иероглифов, которые кажутся ему чуждым телом в системе «чисто иероглифического» письма⁵⁷. В письме от 11 февраля 1813 г. он формулирует свой взгляд следующим образом: «среди иероглифов встречается 2 рода знаков: 1) шесть алфавитных знаков; 2) значительное, но определенное количество подражаний предметам природы» (*imitations d'objets naturels*)⁵⁸.

Но ясно, что при подобном взгляде на иероглифы, которые, являясь по внешнему виду изображениями предметов, имеют в то же время звуковое значение закрытых слогов, искомый Шампольоном «силлабический алфавит», именно в силу допущенной односложности египетских слов, должен содержать в себе столько же знаков, сколько в иероглифических текстах встречается коренных египетских слов, — так что знаки эти, обладая способностью передавать звуки речи, в то же время сохраняют по существу идеографическое значение⁵⁹. Процесс определения звукового значения иероглифов совпадает с процессом выяснения смысла составляющих их идеограмм. Теория звукового значения иероглифов в том виде, как она была первоначально построена Шампольоном, не ведет к созданию метода дешифровки с помощью филологических приемов. Единственным выходом остается материальное сравнение иероглифических знаков и групп и механическое сопоставление иероглифической надписи Розеттского камня с греческим переводом. Теперь Шампольон обращается к непосредственному изучению памятников, обнаруживая при этом поистине изумительную наблюдательность. Он ищет в иероглифических надписях знаки, соответствующие идеограммам Гореполлона, пытаясь отдать себе отчет в степени достоверности его показаний. Он обращает особое внимание на памятники, в которых надписи, очевидно, служат пояснительным текстом к стоящим рядом изображениям, дающим возможность сделать кой-какие выводы о значении отдельных знаков. Он делает иероглифы, как таковые, объектом научного изучения, регистрирует их, пытаясь выяснить количество отличающихся друг от друга знаков, классифицирует их на основании их внешнего вида или предполагаемого значения.

Изображенные иероглифами предметы исчерпывают, по выражению Шампольона⁶⁰ «*toutes les classes d'êtres que renferme la création*»: небесные светила, люди, четвероногие, пресмыкающиеся, птицы, рыбы, насекомые, растения, изделия рук человеческих: домашняя утварь, оружие, культовые объекты; штрихи и геометрические фигуры; фантастические существа, имитирующие образы богов. Составленная из подобных иероглифов надпись на первый взгляд производит впечатление полного хаоса; «*rien n'est à sa place; tout manque*

⁵⁷ Шампольон, видимо, склонен считать их заимствованными из курсивного письма, на что указывает одно не вполне ясное место из письма его к Фижаку от 6 мая 1818 г.— См. Hartleben I, с. 383.

⁵⁸ Hartleben II, с. 588.

⁵⁹ Ср. Champ. Précis, с. 351.— Представление о слоговом характере иероглифов возникло у Шампольова под влиянием предполагаемого сходства иероглифического письма с китайским.

⁶⁰ Précis, с. 303–305; эти страницы, без сомнения, воспроизводят наиболее ранние впечатления, какие вынес Шампольон из изучения иероглифических текстов, и хотя они и написаны значительно позднее, но они вполне могут быть использованы для характеристики данной стадии его творчества.

de rapport»; предметы самого разнородного свойства помещены в непосредственной близости. Все фигуры обращены в одну сторону и непрерывной вереницей следуют друг другом. Какой-то определенный принцип, без сомнения, водил рукой высекавшего надпись. Задача в том, чтобы найти этот принцип. Только зная его, можно будет, на основании его, выяснить значение отдельных знаков; но для нахождения принципа нет иного пути, как изучение самых знаков. Опять заколдованный круг, — но Шампольон пытается где-нибудь разорвать его. Некоторые знаки, без сомнения, употреблялись в значении изображенных ими предметов. В этом не трудно было убедиться: в надписи на обелиске он находит изображение обелиска в качестве иероглифа; в надписи на сфинксе — сфинкс; пояснительной надписи к изображению фараона, совершающего жертвоприношения в качестве иероглифа фигурирует сосуд или ожерелье, сходные с теми, какие фараон держит в руках; рядом с изображением священной барки какого-нибудь бога стояла надпись, которой та же барка (в уменьшенном виде) повторена в качестве иероглифа. Подобных знаков оказалось не очень много⁶¹; при помощи них, очевидно, можно было обозначать только конкретные предметы. Для передачи абстрактных понятий иероглифическое письмо, по мнению Шампольона, пользуется теми же приемами, которые наблюдаются в языке при передаче отвлеченных понятий при помощи образных выражений⁶². На подобные размышления наводят его указания Горуполлона. Если пчела служит символом царской власти или передняя часть льва передает понятие «превосходства», то мы, очевидно, имеем дело с метафорой. В других случаях причина служит для обозначения следствия (метонимия): так, солнце означает «день», лунный серп — «месяц», пылающая жаровня — «огонь»; письменный прибор — «письмо». Или же часть служит для обозначения целого (синекдоха): рука, держащая сосуд означает «подавать»; сосуд, из которого течет струя — «возлияние»; две руки, держащие оружие и щит — «сражение» и т. д. Но и таких иероглифов оказалось довольно ограниченное число⁶³; какое значение имеет огромное количество остальных знаков?

На данной стадии его исканий для определения их значения не существует иного пути, помимо метода, примененного для той же цели Юнгом, к которому Шампольон пришел теперь независимо от последнего и которыми он пользовался с огромным успехом. Накопляющийся запас наблюдений производит на него двойственное впечатление. С одной стороны он, естественно, ищет в нем подтверждения для сделанных ранее теоретических построений. Сделав в 1814 г. правильное наблюдение, что иероглифы для передачи слов сочетаются в группы, он спешит ложно истолковать его в пользу предположения о слоговом характере иероглифического письма⁶⁴. От 1818 года сохранился сделанный им анализ 14-й строки иероглифического текста Розеттского камня, поражающий сходством его приемов с приемами Юнга⁶⁵. Шампольон знает теперь точнее последнего, что сохранившаяся часть иероглифического текста соответствует лишь последней трети греческого перевода. Сопоставляя отдельные группы иероглифов с соответствующими греческими и демотическими эквивалентами, он находит, что слово *ḥ-f* — «placer lui» — повторяется в 6-й строке иероглифического текста без иероглифа *f* в значении «placer». Это подтверждает его прежнее мнение о наличии алфавитных иероглифов для передачи суффиксов⁶⁶. Далее из сделанного анализа выясняется, что порядок иероглифов в тексте соответствует порядку

⁶¹ В Розеттской надписи только 7 слов (наос, человек, дитя, статуя, змея, корона и стела) переданы "фигуративными" знаками; см. Précis, с. 331.

⁶² Ibid, с. 33 сл.

⁶³ Из 70 идеограмм, объясненных в I книге Горуполлона, Шампольон только 30 мог найти в иероглифических текстах: из них только 13 были употреблены в том значении, которое приписывал им Горуполлон; ibid, с. 348.

⁶⁴ Hartleben, I, с. 199; с. I. С. 379.

⁶⁵ Рукопись Шампольона, приложенная к письму к Фижаку от 10 апр. 1818 г. воспроизведена у Hartleben II, двойная таблица при с. 558 — Рукопись доказывает независимость Шампольова от Юнга, исследования которого опубликованы только в 1819 г.

⁶⁶ В упомянутом выше письме от 6 мая 1818 г.— Hartleben II, с. 589 (см. выше прим. 58).

слов в правильно построенной египетской фразе, что также подтверждает прежние предположения.

Но ко всем этим выводам он относится с величайшей осторожностью, поскольку им противоречат наблюдения противоположного свойства, а подобных наблюдений с течением времени накапливается все больше и больше⁶⁷. Самый успех работы по методу, совпадающему с приемами Юнга, должен был сильно поколебать его уверенность в правильности прежних теоретических построений. На 1818–1819 гг. падает период самой острой борьбы с самим собой. «Достигнутые мной результаты опрокинули все представления, какие я составил себе о иероглифах», пишет он брату в апреле 1818 года, а через год он называет иероглифы «*немыми* знаками, употребляющимися в столь *различном* значении, то фигуративно, то символически и т. д.»⁶⁸, Решающее значение имело, повидимому, следующее обстоятельство. Наличие в текстах большого количества идеографических знаков, смысл которых ему теперь становился все яснее с каждым днем, вынуждает его отказаться от выделения символических иероглифов в особую систему письма, что нарушает принцип однородности чисто звукового иероглифического письма. Он относится теперь с большим доверием к Клименту Александрийскому, который определенно говорит, что иероглифы состоят частью из символических, частью из «кириологических» знаков. Что такое «кириологические» знаки, — объяснено у Климента крайне туманно⁶⁹; мысль о смешанной системе, состоящей одновременно из идеографических и фонетических знаков пока еще не приходит ему на ум. Но прежняя схема, не давшая никаких практических результатов, утратила теперь свою логическую стройность. Как нередко бывает в подобных случаях, Шампольон впадает в обратную крайность, отрицая за иероглифами способность передавать звуки речи. Теперь он готов думать, что имя Птоломея на Розеттском камне написано чисто идеографическими знаками; изображенный в картуше лев он принимает за символ воинственности, полагая, что картуш содержит имя древнего фараона, которое впоследствии образно перенесено было на Птоломея, вследствие того, что имя его производимое от Ptolemos толковали, как «воинственный»⁷⁰. Это наиболее резкий пример уклонения Шампольона от первоначальной точки зрения; принцип, обещавший дать филологически обоснованное чтение иероглифических текстов теперь категорически отвергнут.

К такому же результату приводит его теперь сравнительное изучение курсивных шрифтов между собой и с иероглифическим, чем он усиленно занят в период 1819–21 гг. Мы знаем, что первоначально он считал оба курсивных шрифта, по существу алфавитными. Указание Климента Александрийского о порядке изучения египтянами трех систем письма (соответственно степени их сложности) наводит его на мысль о возможности происхождения демотики от иератки, а последней от иероглифов. Более детальное сличение курсивных и иероглифических папирусов заупокойного характера приводит его к установлению более тесной графической связи между тремя системами письма, что заставляет его усомниться в чисто фонетическом характере курсивных шрифтов⁷¹. В 1821 году он уже в состоянии для каждого иератического знака указать его иероглифический эквивалент и пытается через посредство иератического письма установить аналогичную связь демотики с иероглифами. Таким путем он приходит к сознанию единства всех трех систем египетского письма; эта теория развита им в докладе Парижской Академии от 1821 года⁷², в котором он доказывает происхождение курсивных шрифтов от иероглифического, утверждая, что курсивные знаки, подобно иероглифам, служили для передачи мыслей, но не звуков.

⁶⁷ Присущий иероглифическому письму в значительной мере идеографический элемент выступает тем явственнее, чем ближе Шампольон подходит к изучению памятников.

⁶⁸ Hartleben I, с. 300 и 384.

⁶⁹ Это неясное место (Stromat V) только в последствии было истолковано известным эллинистом Летроном в пользу наличия среди иероглифов чисто алфавитных знаков (Précis, с. 378 сл.).

⁷⁰ Hartleben I, с. 385. Картуш встречается на одном фиванском храме, который издатели Description ошибочно отнесли к древнему времени.

⁷¹ Ibid., с. 386 сл.

⁷² De l'écriture hiératique des anciens Egyptiens. Grenoble 1821: это издание уже в 50-х годах прошлого века было библиографической редкостью. Содержание доклада вкратце изложено у Hartleben I, с. 387 сл.

III

В результате многолетних исканий Шампольон сильно уклонился от своей первоначальной точки зрения: попытку найти иероглифический алфавит он считает теперь безнадежной. Но стремление не отгадывать, а читать египетские письмена заставляет его сосредоточиться на греческих именах, которые в демотическом тексте Розеттского камня бесспорно переданы чисто фонетически. Правда, алфавит Окерблода служил, очевидно, исключительно для передачи иностранных собственных имен; Шампольон согласен теперь с Юнгом, что принцип алфавитного письма заимствован египтянами у греков⁷³. Если применение его было ограничено одной областью демотического письма, то чтение иероглифов абсолютно невозможно. Но как передано имя Птоломея в иероглифической надписи Розеттского камня? Из теории единства трех систем египетского письма вытекает, что каждый демотический знак через посредство соответствующего иератического знака восходит к определенному иероглифу, от которого он в последнем счете произошел. Это бесспорно применимо и к тем демотическим знакам, которые служат для передачи греческих имен; естественно предположить, что те иероглифы, которые послужили для них первообразами, могли также быть употреблены, как буквенные знаки, поскольку ими пользовались для передачи греческих имен. Эта мысль, которая смутно промелькнула у Юнга, проводится Шампольоном с строгой последовательностью. Сличая демотическое написание имени Птоломея с иероглифическим, он приходит к выводу, что все семь иероглифов картуша (см. рис. 6–(1)), имеют чисто буквенные значения: P. T. O. L. M. I. S. Чтобы убедиться в правильности сделанного анализа необходимо установить, что предполагаемые звуковые значения этих иероглифов неизменно остаются за ними в тех случаях, когда они служат для передачи других греческих имен. Но помимо картуша Птоломея, единственного на Розеттском камне, известен только картуш Вероники (см. рис. 6–(2)), дающий возможность проверить значение лишь одного иероглифа для *i*, Шампольон ищет случая выяснить правильность чтения остальных знаков, и случай не заставляет себя долго ждать. Во вновь приобретенном для Королевского кабинета в Париже демотическом папирусе Casati он находит имя Клеопатры, в котором повторяются 4 звука (*l, o, p, t*) встречающиеся в имени Птоломея. Шампольон, зная иероглифические эквиваленты демотических знаков, гипотетически составляет из них иероглифическое написание имени Клеопатры, заменяя каждый демотический знак этого имени соответствующим иероглифом. Через некоторое время он получает копию иероглифической надписи небольшого обелиска, найденного в Филах, недалеко от его базы с греческой надписью, содержащей имена Птоломея и Клеопатры, В иероглифической надписи обелиска Шампольон, наряду с картушем Птоломея, находит также имя Клеопатры (см. рис. 6–(3)), написанное при помощи тех самых иероглифов, которые, согласно заранее сделанному предположению, должны служить для передачи этого имени. Точнее говоря, из четырех сходных звуков три (*l, o, p*) переданы теми же иероглифами, что и в картуше Птоломея; только для звука *t*, вместо ожидаемого «полукруга», оказался иероглиф, изображающий руку. Пришлось допустить, что оба иероглифа могли служить для передачи одного и того же звука; это был единственный пункт, возбуждавший сомнения, но мы увидим, что то истолкование, которое дал ему Шампольон, привело его к совершенно неожиданному и необычайно плодотворному выводу.

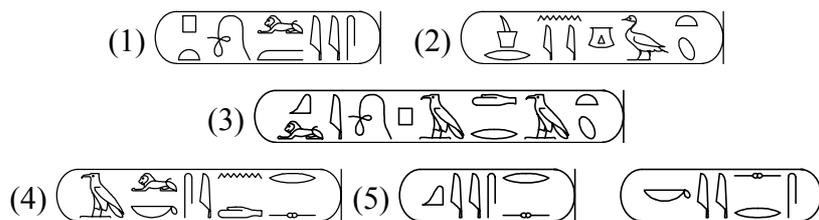

Рис. 6

⁷³ См. любопытное место (Précis, с. 299): "l'avais longtemps aussi partagé cette erreur" etc.

Он знает теперь фонетические значения иероглифов, входящих в состав двух картушей; он пытается с их помощью разобрать другие картуши, что, естественно, ведет к установлению фонетических значений новых иероглифов. Имя «Александр» встречается в демотической надписи Розеттского камня; заменяя демотические знаки их иероглифическими эквивалентами, Шампольон в состоянии разобрать картуши с именем Александра (см. рис. 6–(4); в нем звук *n* передан тем же иероглифом, что в картуше Вероники; но для звука *k* употреблен иной иероглиф, чем в картуше Клеопатры, а звук *s* передан в середине и в конце имени (*Alksantrs*) двумя различными знаками. Это убеждает Шампольона в том, что для некоторых звуков, действительно, существовало по крайней мере по два иероглифа, и он вводит для них термин «гомофонных» знаков. Установленный закон находит применение при анализе двух картушей с именем (или титулом) «Цезарь» — *Kaisaros* (см. рис. 6–(5), сопоставление которых с полной очевидностью подтверждает наличие гомофонных знаков для *k* и *s*. Теперь Шампольон в состоянии прочесть имена целого ряда греческих царей и римских императоров⁷⁴, и на основании их составить иероглифический алфавит, но при этом оказывается, что, независимо от наличия гомофонных знаков, тексты обычно имеют *k* вместо *g*, *t* вместо *d*, *p* вместо *f* и постоянно смешивают звуки *r* и *l*; кроме того, наблюдается частое опущение и неточная передача гласных звуков.

Эти обстоятельства заставляют Шампольона серьезно призадуматься. Если найденный иероглифический алфавит, — как он сам готов был думать в первую минуту, — составлен был египтянами под влиянием греков специально для передачи греческих имен, то чем объяснить его непригодность для передачи звуков греческой речи? Откуда это обилие гомофонных знаков? Чем объяснить неточность в передаче гласных? Что касается согласных, то иероглифические тексты, очевидно, делают ту же замену, которая нередко наблюдается при передаче греческих слов в коптских текстах⁷⁵, а произвольное смешение *r* и *l* производит впечатление специфически египетской черты, давно установленной на основании изучения коптских диалектов. И подобные факты приходится констатировать Шампольону в такой момент, когда методическая разработка достигнутых ранее результатов привела его к полному отрицанию фонетического элемента во всех трех системах египетского письма. По странной иронии судьбы те памятники, которые одни могли научить Шампольона читать по-египетски стали ему известны как раз тогда, когда он только что публично отказал иероглифам в способности передавать звуки речи. Но он всегда готов был верить фактам больше, чем самому себе. И если три года тому назад он поколебался в своей первоначальной точке зрения под напором неотразимых наблюдений, то теперь та же самоочевидность фактов должна была, тем легче, заставить его отказаться от вынужденного признания чисто идеографического характера иероглифического письма. Представшая перед ним перспектива — читать египетские тексты с помощью найденного им иероглифического алфавита, должна была увлечь его в противоположную сторону. Она заставила его вновь сосредоточиться на целом ряде сделанных ранее наблюдений, которые теперь вдруг предстали перед ним в совершенно новом освещении. К этому присоединился ряд других фактов, которые теперь легко могли быть втолкованы с новой точки зрения. В конце 1821 г. Шампольон произвел параллельный подсчет всех иероглифов и соответствующих им греческих слов Розеттской надписи: оказалось, что на 486 греческих слов приходится 1419 иероглифов, среди них 166 отличных друг от друга знаков⁷⁶. Отсюда с уверенностью можно

⁷⁴ Помимо картушей, воспроизведенных на рис. 6. Шампольон нашел картуши: с именами Домициана и Веспасиана (на Памфил. обел. по копии Кирхера), с титулом *sebastos* (там же), с именами Адриана и Сабины (на Барбер. обел. по копии Zoëga), с именами Тиверия, Траяна и Антонина (в атласах *Description*), с титулом *autocrator* (там же) и др.

⁷⁵ Наблюдение, сделанное уже Окербладом, указавшим, между прочим, на то, что вместо греч. *diabolos* коптские рукописи часто имеют *tiabolos*; см. его *Lettre sur l'inscription de Ros.* (1802), с. 16; аналогичные примеры для замены *f* и *g* через *p* и *k*, — *ibid*, с. 21 и 28.

⁷⁶ Подсчет, приведенный Шампольоном в *Précis* (с. 315) сделан им, по сообщению Hartleben (I, с. 400) 23 дек. 1821 г.

было заключить, что один иероглиф не мог служить для передачи определенного понятия, что противоречило идеографическому характеру иероглифов, но легко объяснялось с точки зрения звукового алфавита.

Еще важнее были наблюдения, сделанные при сличении заупокойных папирусов. Сопоставляя параллельные отрывки из нескольких списков Книги мертвых, Шампольон на каждом шагу мог констатировать систематическую замену одних знаков другими при полном тождестве остальных, впереди и позади стоящих знаков (см. рис. 7). Не могло быть сомнения в том, что заменяющие друг друга знаки равноценны, но с точки зрения идеографического характера письма равноценность знаков, изображающих совершенно различные предметы, как, например, корона и волнистая линия (стлб. 6), должна была казаться совершенно абсурдной. Но далее оказывалось, что во многих случаях знаки, заменяющие друг друга на папирусах, имели одинаковое звуковое значение в написаниях греческих имен, откуда вытекало, что иероглифы, о которых идет речь, имели в чисто египетских текстах те же фонетические значения, что и в царских именах, ибо только с этой точки зрения и можно было объяснить их равноценность и взаимную заменяемость в текстах. Таким образом, наличие гомофонных знаков, установленная на основании сличения картушей, подтверждалась констатированной заменяемостью тех же знаков в заупокойных папирусах.

1	2	3	4	5	6	7	8
							
							
							
							

Рис. 7

Но равноценными и заменяющими друг друга в текстах оказались не только отдельные иероглифы, но целые группы иероглифов, служившие, очевидно, для передачи одного и того же понятия. Из приложенной таблицы (рис. 7) видно, как Шампольон, еще не умея читать иероглифов, мог нередко уяснить себе смысл отдельных иероглифических надписей, служащих пояснением к изображенным фигурам. В данном случае речь идет о фразе, обычно сопровождающей имя бога Гора и означающей: «Гор, сын Осириса, рожденный от Исиды (богини)». Понятие «сын» во 2-м столбце передано тремя различными группами, являющимися, очевидно, синонимами по отношению друг к другу; но самая возможность различения синонимных выражений для одного и того же понятия, вполне естественная с точки зрения звукового письма, казалась мало вероятной при предположении чисто идеографического значения иероглифов. Далее, имя Исиды (столб. 7-й), как и слово «богиня» (столб. 7-й), написаны то тремя, то четырьмя иероглифами, при чем последний знак, изображающий женщину, очевидно, служит пояснением к предшествующей группе иероглифов. Шампольон установил, что целый ряд иероглифических групп заканчивается подобным пояснительным знаком, и ввел для него термин «детерминатив»⁷⁷. Колеблясь между противоположными теориями звукового и идеографического характера иероглифов, естественно было остановиться на допущении смешанной системы письма, пользующегося одновременно знаками обоих родов, но для проверки этой гипотезы необходим был новый материал.

⁷⁷ Значение детерминативов точно сформулированы Шампольоном в письме против Biot по поводу дендерского зодиака от 25 июля 1822 г. (Rev. Encycl. 1822. no 1. 15, p. 232–239); см. Hartleben I, с. 412 сл.

И как раз в это время⁷⁸ Шампольон получил от архитектора Нууот, из Египта, копию иероглифических надписей, содержащую значительное количество картушей с царскими именами. Не зная заранее к какому периоду относятся тексты, он пытается разобрать некоторые сходные между собой картуши (см. рис. 8) с помощью своего иероглифического алфавита.

Рис. 8

Ему известны последние два знака картушей, передающие звук *s*; первый иероглиф картуша легко мог быть истолкован, как идеографическое написание имени солнечного бога Ра⁷⁹. Что касается второго иероглифа, то вместе с знаком *s*, он является, как мы видели, синонимом слова «сын». Произношение этого знака Шампольон установил следующим образом: на Розеттском камне группа из 4-х иероглифов (см. рис. 9) служит для передачи греческого выражения *genetblia* «день рождения», чему соответствует коптское *hou-mise* (при чем вторая часть слова означает «рожать»); отбрасывая гласные в слове *mise*, мы получаем звуки *m* и *s*, как эквиваленты иероглифов, занимающих среднее место в картуше; так как второй из них означает *s*, то первый должен означать *m*⁸⁰. Таким образом четыре иероглифа картуша составляют слово *Ra-m-s-s* («рожденный Ра» или «сын Ра»). Имя знаменитого фараона оказалось написанным при помощи одного идеографического знака и трех чисто алфавитных иероглифов, из которых два встречаются в именах Птолемея, Александра и Цезаря (см. выше рис. 6). Нужно ли лучшее доказательство того, что найденный Шампольоном иероглифический алфавит не был составлен под влиянием греков, а существовал уже давно, во времена фараонов?

Рис. 9

Но мало того, — в тех же надписях Нууот, он находит еще два картуша (см. рис. 10), в которых легко узнает варианты того же имени «Рамсес» с прибавлением обычного титула «любимый Амоном», аналогичного с титулом Птолемея — «любимый Птахом». Слово «любимый» в одном из картушей передано тем же иероглифом, что и в картуше Птолемея⁸¹; что же касается имени бога Амона, то оно один раз передано чисто идеографически при помощи изображения бога Амона (с характерными для него высокими перьями на голове); но в другом картуше вместо этого стоит группа из трех иероглифов; первый и третий иероглифы служат для передачи звуков *a* и *n* в имени Александр; остается предположить, что средний иероглиф означает звук *m*. Стало быть, не только имя Рамсеса, но и имя бога Амона, египтяне могли писать чисто фонетически, пользуясь при этом теми же иероглифами, звуковое значение которых установлено на основании анализа греческих и римских имен. Правда, при этом пришлось принять два новых знака для передачи звука *m*; но Шампольон знает уже четыре гомофонных знака для передачи этого звука, и ничто не может помешать ему прибавить к ним еще два.

Рис. 10

⁷⁸ 14 сент. 1822 г. — *ibid.*, с. 420.

⁷⁹ В третьем картуше вместо диска изображен солнечный бог с диском на голове.

⁸⁰ Правильность чтения косвенным образом подтверждалось тем, что в имени Тутмос слог *ms* был написан при помощи тех же двух иероглифов.

⁸¹ В другом картуше вместо него стоит соответствующий гомофонный знак равноценность обоих иероглифов была уже известна Юнгу, который ошибочно считал их за символ бога Пта: *Misc. Works III*, табл. I (при с. 196) № 6; ср. выше, с. 468, пр. 40.

К этому присоединяется следующее соображение. Сопоставляя разные картуши, в которых находились иероглифы, передающие имя Рамсеса, Шампольон мог установить для этого имени не менее 14 вариантов. Нужно заметить, что картуши в текстах часто размещены парами, по схеме, указанной на рис. 11. Иероглифы, стоящие впереди первого картуша означают слово «царь»; это было бесспорно, — на основании Розеттского камня. Относительно значения иероглифов, стоящих между картушами возник спор между Юнгом и Шампольоном; первый полагал, что они передают понятие «сын»; второй считал, что эти два иероглифа означают «сын солнца». По мнению Юнга, первый картуш содержит имя царствующего фараона, второй — его отца («царь А, сын царя В»); по мнению Шампольона, оба картуша принадлежат царствующему фараону, причем второй картуш содержит личное имя фараона, а первый — его прозвище («царь А, сын солнца, В»). Теперь Шампольон мог сопоставить 14 пар картушей, в которых первые картуши были все тождественны, а вторые, могли быть признаны за 14 вариантов имени Рамсеса. С точки зрения чисто идеографического письма казалось абсурдной наличие 14 вариантов для передачи одного и того же имени; но если картуши содержали различные имена, то выходило, по теории Юнга, что один фараон имел 14 отцов, а по теории Шампольона, что 14 различных фараонов имели одно и то же прозвище! Ясно было, что картуши содержат варианты одного и того же имени, и сама наличие этих вариантов косвенным образом подтверждала, как теорию фонетического значения иероглифов, так и правильность допущения гомофонных знаков и синонимных групп⁸².

Рис.11

Но решающее значение имело то обстоятельство, что Шампольон теперь вдруг — в один день — стал свободно разбирать иероглифические тексты. Всюду и везде он рядом с идеографическими знаками, смысл которых был очевиден, находил иероглифы, фонетическое значение которых было установлено при чтении греческих и римских имен. Выясняя произношение иероглифических групп, он восстанавливал древне-египетские слова, непосредственно вызывавшие в памяти соответствующие коптские выражения, значение которых как нельзя лучше подходило к смыслу разбираемого текста и нередко подтверждалось стоящим рядом детерминативом. Так случилось, что Шампольон, правильно разложил имя Птолемея и, подтвердив свой анализ прочтением имени Клеопатры, сразу мог перейти от чтения греко-римских имен к чтению «имен древних фараонов, от них к именам богов и частных лиц, затем к чтению всех вообще египетских слов. Теперь не было иероглифического текста, чтение которого могло бы существенно затруднить его.

Намеченный в последних строках путь пройден Шампольоном в течение нескольких месяцев; им предшествуют долгие годы мучительных бесплодных исканий. Невольно возникает вопрос, почему анализ имени Птолемея не был с самого начала положен им в основу дешифровки. Что могло быть проще допущения, что помещенные в картуше иероглифы соответствуют простым звукам, составляющим это имя? Однако, независимо от того, что нет ничего труднее, как найти простейшее разрешение сложной проблемы, для правильного прочтения этого имени необходимо было отрешиться от всех теорий о характере иероглифического письма, как своих, так и чужих⁸³, — теорий, в значительной мере соответствовавших действительности и находивших частичное оправдание в сделанных наблюдениях. В нашем ретроспективном освещении процесса дешифровки, когда нам заранее известен ее конечный результат, мы легко можем уяснить себе, как каждый

⁸² Champ. Précis, с. 264; ср. С. 231 с. 1.

⁸³ Шампольон не мог правильно прочесть имени Птолемея ни тогда, когда он считал иероглифы однородным слоговым письмом, ни тогда, когда он счел себя вынужденным признать чисто идеографический характер иероглифического письма, но он еще не успел проследить тесной графической связи между демотикой и иероглифами.

последующий шаг логически вытекает из предыдущего; но когда Шампольону предстояло пройти этот путь, он при переходе от каждого данного шага к последующему видел перед собой целый пучок расходящихся путей, из которых каждый теоретически был одинаково правомерен, но только один из них мог скорейшим путем привести к цели. Решающее значение имели, как всегда при научных открытиях, гениальная интуиция и счастливый случай. Только исключительно пригодный для разгадки материал, рассмотренный под правильным углом зрения, мог привести к разрешению проблемы. Лишь тогда, когда были исчерпаны все теоретические возможности, и представившийся новый материал мог быть рассмотрен со всех мыслимых точек зрения, сознание истины, как созревший плод, мгновенно сделалось достоянием Шампольона.

Уяснив себе сложный генезис его идей, соответствующий сложности стоявшей перед ним проблемы; зная, какими окольными путями суждено было ему достигнуть цели, как часто на этом долгом и трудном пути он готов был прийти в отчаяние от несоответствия фактов с теоретическими построениями, основанными на наблюдении тех же фактов, правильное уразумение которых, казалось, выходило за пределы доступного научному постижению; зная, как далеко он, почти накануне разгадки, уклонился от правильного пути, им самим впервые предугаданного и затем категорически отвергнутого, так что разрешение проблемы легко могло ускользнуть от него, если бы счастливый случай не дал ему в руки новых фактов, которые заставили его во время опомниться и сознать свою прежнюю правоту, — мы до известной степени поймем, какие мысли и чувства должны были пронестись в сознании Шампольона, когда он впервые прочел имя Рамсеса, и, сразу постигнув все огромное значение совершившегося факта, едва смея верить самому себе, вдруг почувствовал, что туман рассеивается перед его глазами, и немые знаки, с детских лет на всю жизнь приковавшие к себе его пытливым взор, вдруг заговорили на родном для него языке, доверчиво открывая свой незатейливый, но казавшийся столь таинственным смысл. И мы не удивимся сообщению Hartleben, что, едва он произнес вслух, что вековая загадка разгадана, — сильное душевное потрясение, превысив физическую сопротивляемость организма, разразилось глубоким обмороком, длившимся пять дней⁸⁴.

IV

Едва оправившись от болезни, Шампольон в два дня набросал свое знаменитое «Lettre à Mr. Dacier», от которого ведет свое происхождение египтология, и которое уже в 40-х годах прошлого века называли «бессмертным»⁸⁵. Здесь он подвергает анализу около полсотни картушей, содержащих в различных вариантах имени Лагидов и римских императоров⁸⁶ и их греческие титулы, которые все могли быть прочитаны с помощью предложенного им алфавита. Чтобы дать последнему теоретическое обоснование, Шампольон пытается установить связь между начертанием фонетических иероглифов и теми звуками речи, для передачи которых они служили, полагая, что алфавит составлен был египтянами по акрофоническому принципу таким образом, что каждый фонетический иероглиф служил для передачи звука, соответствующего начальной букве слова, служившего для обозначения

⁸⁴ Hartleben I, с. 422: в тот же день, 14 сентября, Шампольон под свежим впечатлением сделанного открытия побежал к брату, работавшему в Institut de France и со сливамп "Je tiens l'affaire" кинул на стол захваченную с собой кипу бумаг; в состоянии, сильнее экстаза он попытался было объяснить брату смысл сказанных слов, но внезапно упал, как подкошенный, и только 19 сентября вечером сознание снова вернулось к нему.

⁸⁵ См. Bunsen. Aegyptens Stelle usw. I. С. 384.— Доклад был прочитан в Парижской Академии надписей 21 сентября 1822 г.; эта дата и считается юбилейной.

⁸⁶ Вскоре после прочтения доклада Шампольон получил сообщение, что на одном здании на о-ве Филах, на котором он нашел картуш с именем Траяна, оказалась поблизости греческая надпись, упоминающая того же императора. Сообщая об этом Юнгу в письме от 23 ноября 1822 г. (см Misc. Works III, стр 243), Шампольон выражает надежду, что последующие находки греческих и латинских надписей в Египте подтвердят правильность чтения остальных имен.

изображенного им предмета⁸⁷. Алфавит этот не мог возникнуть под влиянием греков, так как он оказывается неприспособленным для передачи некоторых звуков греческой речи, и составляющие его иероглифы сплошь и рядом встречаются в более древних текстах с тем же звуковым значением, что и при передаче царских имен греко-римской эпохи, — но подробное развитие этой мысли Шампольон в пределах данного доклада считает невозможным. Попутно высказана мысль о возможном происхождении финикийского алфавита от египетских иероглифов⁸⁸.

У Юнга, присутствовавшего при чтении доклада, осталось впечатление, что содержание его представляет собой лишь дальнейшее развитие и применение открытий, сделанных им самим⁸⁹. Получив от Шампольона печатный экземпляр доклада, он нашел в нем некоторые подробности, заставившие его публично заявить о своих правах на приоритет. В докладе Шампольон упоминает о попытке Юнга прочесть имена Птолемея и Вероники, указывая, что, хотя Юнгу и удалось правильно установить фонетическое значение 4-х знаков, но в общем предложенный им алфавит оказывается неприменимым при чтении остальных собственных имен. Впрочем, Шампольон признает, что Юнг, занимаясь исследованиями, аналогичными с теми, которые в течение многих лет составляют предмет его собственных занятий, достиг в этой области весьма существенных результатов⁹⁰. Это суждение Шампольона послужило поводом к тому, что Юнг в опубликованной им в 1823 г. статье⁹¹ выдвинул против Шампольона обвинение не только в молчаливом присвоении чужих мнений, но и в неумышленном, правда, искажении фактов. Юнг ссылается на то, что им впервые выяснена связь между курсивным шрифтом и иероглифическим; им же впервые высказана мысль о существовании среди иероглифов чисто алфавитных знаков и установлено фонетическое значение не четырех (как утверждает Шампольон), а девяти знаков, к которым Шампольон прибавил всего три⁹² и, наконец, им же указано на наличие гомофонных знаков для передачи некоторых звуков. Все эти положения не только приняты Шампольоном, но легли в основу его дальнейших изысканий и обусловили их благоприятный результат. Может быть, не совсем справедливо, что мы вправе называть своими лишь те открытия, которые были нами своевременно опубликованы, но таково в конце концов общепринятое правило.— Несколько ранее упомянутой статьи Юнга в одном английском журнале помещен был анонимный памфлет, автор которого категорически отрицает права Шампольона на приоритет в пользу Юнга и пытается умалить значение открытого Шампольоном иероглифического алфавита, который, хотя и дает возможность не только прочесть царские имена греко-римской эпохи, но даже написать

⁸⁷ Изображение льва служит для передачи звука *l*, с которого начинается коптское слово *laboi* ("Львица"): рот, по-коптски *ro*, передает звук *r*; рука, по-коптски *tot* звук *t* (см. *Lettre à Dacier*, с. 36 сл.). Так, естественно, должно было казаться Шампольону, имевшему дело преимущественно с текстами греко-римской эпохи. В действительности же фонетический иероглиф служит для передачи всех согласных, образующих слово, соответствующее изображенному им предмету, и только в тех случаях, когда слово состоит из одного согласного звука (или из согласной с игнорируемой на письме полугласной) соответствующий иероглиф естественно приобретает значение чисто алфавитного знака (ср. *Sethe. Der Ursprung des Alphabets*. 1916, с. 110). Поэтому объяснение Шампольона справедливо только относительно иероглифов для *r* и *t*; но для "льва" первоначально существовало слово, состоящее из одного согласного *l*.

⁸⁸ Это предположение Шампольона нашло, как известно, блестящее подтверждение благодаря новейшим исследованиям Зете и Гардинера.

⁸⁹ В письме к Гамильтону из Парижа от 29 сент. 1822 г. (*Misc. Works III*. С. 220) Юнг хотя и подчеркивает решающее значение своих собственных открытий, но в то же время признает, что Шампольоном достигнуты "гигантские" успехи. Позднее он склонен был приписывать всю заслугу себе, ссылаясь на то, что имя Клеопатры получено Шампольоном от Банкаса, который установил его в Египте на основании указаний Юнга: см. *Hartleben I*, с. 406, пр. 3 (выдержка из письма Юнга к гр. Поллону от 20 дек. 1826 г.)

⁹⁰ *Champ. Lettre à Mr. Dacier*, с. 15, пр. 2.

⁹¹ *Recent Discoveries in Hieroglyphical Literature* (*Misc. Works III*, с. 259 сл.)

⁹² Приписывая себе открытие чтения 9 фонетических иероглифов, Юнг включает в это число также знаки неправильно им прочитанные; кроме того он замалчивает большое количество прочитанных Шампольоном гомофонных знаков.

с помощью иероглифов все, что угодно⁹³, — однако, будучи установлен египтянами под влиянием греков, совершенно неприменим для чтения чисто египетских текстов какой бы то ни было эпохи и не может оказать никакой пользы при изучении памятников предшествующих греческому господству в Египте.

Вся эта полемика в настоящее время представляет интерес преимущественно постольку, поскольку она отразилась на изложении Шампольоном его основного труда о иероглифах — *Précis du système hiéroglyphique* (Paris 1824), большая часть которого построена на доказательстве основного положения, что найденный путем анализа царских имен греко-римского периода иероглифический алфавит находит полное применение при чтении чисто египетских слов на памятниках всех периодов. Вместе с тем, особая глава отведена полемике с Юнгом. Здесь Шампольон прежде всего указывает на то, что в вопросе об отношении курсивных шрифтов к иероглифическому он стоит на существенно иной точке зрения, чем Юнг, ошибочно называющий иератическим и тексты, написанные штриховыми иероглифами, и признающего лишь один вид курсивного письма. Далее, что касается иероглифического алфавита, то задача заключается не в том, чтобы констатировать передачу иероглифами тех или иных звуков речи⁹⁴, а в том, чтобы найти звуковое значение возможно большего числа иероглифических знаков. С этой точки зрения количественное соотношение между результатами Юнга и Шампольона оказывается существенно иным: алфавит последнего, принимая во внимание гомофонные знаки, устанавливает фонетические значения не менее 60 иероглифов, тогда как Юнгу удалось выяснить значение лишь 5 знаков⁹⁵. Что же касается анализа царских имен, то Шампольон подчеркивает, что Юнг считал их написанными идеографическими знаками, которым он придавал значение то простых звуков, то слогов, то двухсложных образований, предполагая аналогию между иероглифическим письмом и китайским, тогда как он (Шампольон) считает их написанными чисто алфавитными знаками по образцу еврейских или арабских букв; исследования Юнга не выходят за пределы *двух* собственных имен; алфавит Шампольона дает возможность прочесть *целый ряд* имен. Таким образом, вопрос о приоритете совершенно *устраняется* Шампольоном на том основании, что оба претендента, как выясняется, пользовались различными методами и пришли к совершенно различным результатам. Это был искусный полемический прием, если принять во внимание, что Шампольон лишен был возможности сослаться на то обстоятельство, которое являлось для него главным источником сознания своей правоты, — на полную независимость сделанных им открытий от аналогичных положений Юнга, ибо, как мы уже знаем, последний определенно стал на точку зрения «общепринятого правила»⁹⁶, хотя и сам сомневается в его полной справедливости. Впрочем, Шампольон мог бы указать на то, что Юнг, устанавливая звуковое значение некоторых иероглифов, определенно оговаривает, что данные иероглифы служат «образцами для способа передачи звуков в *некоторых частных случаях*, отнюдь не являются *общеупотребительными* каждый раз, когда встречалась надобность в передаче звуков»⁹⁷. Эта оговорка Юнга доказывает, на наш взгляд, полную неосновательность притязаний. Небезинтересно суждение третьего лица, наиболее компетентного в то время в данном вопросе — Sylvestre de Sacy⁹⁸. Он признает, что Шампольону удалось определенно установить различие между своим методом и методом Юнга, точка зрения которого, будучи положена в основу дешифровки неизбежно увлекла бы исследователей на ложный путь и в

⁹³ В памфлете, помещенном в *Quarterly Review* (№ LV, февр. 1823 г.) говорится о том, что в Париже уже вошло в моду пользоваться иероглифическим алфавитом Шампольона при составлении любовных записок; см. *Champ. Précis*. С. 6.

⁹⁴ Только в этом смысле можно понять претензию Юнга на открытие им 9 фонетических знаков, которую Шампольон считает основанной на "передержке" ("un bien étrange abus de mots"): см. *Précis*, ср. 36.

⁹⁵ Кроме 4 иероглифов, установленных Юнгом при чтении имен Птолемея и Вероники, Шампольон признает за ним еще чтение иероглифа, означающего суффикс *f*.

⁹⁶ "Prior in tempore, potior in jure".

⁹⁷ *Misc. Works III*, с. 183 — в статье *Egypt* (в Брит. Энци.) в главе "Sounds".

⁹⁸ В *Journal des Savans*, mars 1825; воспроизведено в *Précis*, с. 138, пр. 1.

лучшем случае привела бы лишь к ряду более или менее правдоподобных предположений. Саси надеется, что его мнение будет поддержано всеми учеными, «к какой бы национальности они ни принадлежали»⁹⁹, если только они беспристрастно оценят права обоих претендентов. Впрочем, он готов допустить, что труды Юнга могли внушить Шампольону кое-какие плодотворные идеи, но лишь постольку, поскольку «un bon esprit» в состоянии извлечь пользу даже из ошибочных мнений своих предшественников. Несмотря на это авторитетное суждение, мысль о влиянии Юнга на Шампольона, преимущественно благодаря стараниям пресловутого Клапрота¹⁰⁰, получила широкое распространение не только в Англии, где она с особым упорством отстаивалась еще в 50-х годах¹⁰¹, но и далеко за пределами родины Юнга, и притом вплоть до конца прошлого века¹⁰², когда наконец, англичанин Le Page Renouf¹⁰³ встал на защиту прав Шампольона, а вскоре после него Hartleben документально установила безусловную оригинальность сделанных им открытий¹⁰⁴.

Устранив указанным выше путем вопрос о приоритете, Шампольон, отражая упреки в «беспольности» найденного им иероглифического алфавита, переходит к развитию основного положения Précis, состоящего в том, что знаки, входящие в состав установленного им алфавита, имеют те же фонетические значения в чисто египетских текстах всех эпох, содержащих наряду с ними целый ряд других звуковых иероглифов.

Рис. 12.

Доказательство построено, в общих чертах, следующим образом. Шампольон начинает с анализа имен частных лиц греко-римской эпохи, — что, разумеется, не может вызвать возражений. Прочитав имена Антиноя, Луцилия, Африкана¹⁰⁵ и др., он констатирует, что составляющие их иероглифы, не заключены в картуши, что имена Луцилия и Африкана (см. рис. 12) заканчиваются, подобно египетским именам, детерминативом, изображающим мужчину. Ясно, что египтяне употребляли попеременно идеографические и фонетические знаки, не снабжая последние никакими отличительными признаками. Естественно предположить, что чисто египетские слова составлены по тому же принципу, что и иностранные имена, представляя собой комбинацию фонетических и идеографических знаков. Если мы встречаем в текстах иероглифы, изображающие крокодила, лошадь, сикомору, ногу, крыло (см. рис. 13) и т. п., то мы можем допустить, что эти иероглифы служат детерминативами по отношению к предшествующим группам знаков, фонетически передающим соответствующие слова. Правильность сделанного допущения подтверждается тем, что, читая названные группы при помощи своего алфавита, Шампольон действительно находит в них коптские названия предметов, изображенные детерминативами¹⁰⁶. Кроме того,

⁹⁹ К мнению Саси присоединился ряд видных французских ученых: Летрон, Араго, Био, Фурье, Лаплас (см. Hartleben I, с. 497 сл.); но сторонники Юнга утверждали, будто французские ученые только из национального самолюбия стоят за приоритет Шампольона (см. Misc. Works III, с. 186 — в обширном примечании Leitch'a, начинающемся на с. 183).

¹⁰⁰ Examen critique des travaux de feu M. Champollion; Seconde lettre sur les hiéroglyphes (1827).

¹⁰¹ Биографом Юнга Реасок'ом (Life of Th. Yrung, 1855) и издателем его сочинений Leitch'ом (Miscel. Winks of Ih. Joung III. 1855).

¹⁰² Бругш (Die Aegyptologie. 1891) стоит еще на той точке зрения, что открытие Юнгом картушей Птолемея и Вероники "внезапно открыло глаза (Шампольону) и навело его на правильный путь" (с. 14).

¹⁰³ "Young and Champollion" РУВА. XIX. 1896.

¹⁰⁴ См. особенно выдержки из неизданных рукописей Шампольона, приложенные ко II тому биографии (с. 587 сл.): "Anhang II. Einige wichtige Schritte im Gange der Entzifferung".

¹⁰⁵ Первое — на Барберинск. обелиске; второе на Беневентском обел. (по копии Zoëga); третье — на обел. Борджиа в Неаполе (Zoëga) и на обел. Albani (Kircher, Obel Minerveus), — Воспроизведенные на рис. 12 имена читаются: Lucils и Aplcans. — См. Champ. Précis, с. 93 сл.

¹⁰⁶ "Крокодил" по-коптски *msoh*, "лошадь" — *htoor*, "сикомора" — *nuhi*, "нога" — *rat* "крыло" — *tenh*:

Шампольон без особого труда мог найти иероглифические группы, означающие степени родства: отец, мать, сын, брат и т. д.; из сопоставления этих групп с коптскими эквивалентами выясняется, что и они написаны с помощью фонетических знаков. Определив, таким образом, целый ряд египетских слов, Шампольон нередко находит при них суффиксы для выражения грамматических соотношений, переданные также фонетическими знаками. Далее, имена некоторых богов, как, например: Ра, Амон, Птах, Анубис и др. часто написаны чисто фонетически, так что они могут быть прочитаны Шампольоном с помощью найденного им алфавита. Прочитав имена богов, Шампольон получает возможность разобрать целый ряд египетских имен (частных лиц), которые, как видно из дошедших до нас в греческой передаче имен, носили большей частью теофорный характер¹⁰⁷; при этом выясняется, что написания этих имен также представляют собой смесь фонетических и идеографических знаков.

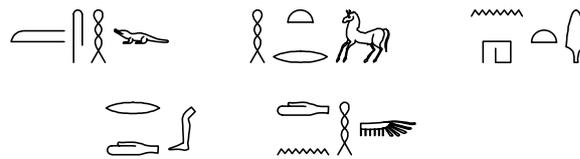

Рис. 13

Таким образом, устанавливается, что египтяне пользовались звуковыми иероглифами для написания целого ряда египетских слов самого разнообразного значения. Однако, на данной стадии дешифровки еще не существует точного критерия для датировки египетских памятников, если бы оказалось, что приведенные выше примеры заимствованы исключительно из текстов греко-римской эпохи, конечно, не исключена возможность, что египтяне стали пользоваться фонетическими знаками для передачи египетских слов лишь после того, как они заимствовали у греков принцип фонетического письма. Чтобы убедиться в противном, Шампольон переходит к анализу царских титулов, доказывая, что выражения вроде: «вечно живущий», «любимый Птахом», «избранный Птахом» и т. п., засвидетельствованные для греко-римской эпохи Розеттским камнем, переданы при помощи фонетических знаков на древних памятниках, относящихся бесспорно ко временам туземных фараонов. Для доказательства этого положения Шампольон пользуется сохранившимся у Аммиака Марцелина текстом *Нермаріон'а*¹⁰⁸, содержащим перевод надписей одного из римских обелисков. Здесь он находит целый ряд выражений, являющихся вариантами к царским титулам Розеттского камня и повторяющихся дословно на карнакских обелисках и храмах или на илиопольском обелиске, — словом на памятниках, относящихся бесспорно временам древних фараонов. Отдельные иероглифы, из которых составлены эти выражения, большей частью уже известны Шампольону и имеют в них те же фонетические значения, которыми они входят в состав его алфавита. Таким образом, доказана наличие

соответствующие им иероглифы встречаются с тем же значением в греческих именах, за исключением 2-х иероглифов для гортанного *h*, значение которых устанавливается на основании сопоставления данных иероглифических групп с соответствующими коптскими словами — См. *Précis*, с. 125 сл.

¹⁰⁷ Напр., Паисий — "посвященный Исиде", Петосирис — "принадлежащий Осирису", Аминтайос — "дар Амона" и др. — См. *Précis*, с. 162 сл.

¹⁰⁸ См. *Marestaing, Les écritures, égyptiennes*, с. 115 сл. Текст производит впечатление дословного перевода египетской надписи, но вопрос о его подлиннике, остается невыясненным. Предшественники Шампольона колебались между надписями Латеранского и Фламиниева обелисков; Шампольон установил, что ни один из сохранившихся в Риме обелисков не содержит надписи, которая могла бы считаться подлинником для текста (см. *Précis* с. 187). В 30-х годах прошлого века итальянский проф. *Miegliarini* обратил внимание на странное указание, что под дворцом *Borghese* в Риме замурован древний обелиск, который, по его мнению, и содержал надпись, приведенную *Нермаріон'ом* (см. *Platner, Bunsen etc Beschreibung der Stadt Rom. 1838, т. III, 3, с. 208, пр.*) — мнение, которое столь же трудно подтвердить, как и опровергнуть, пока обелиск остается под землей. В конце прошлого столетия *Maguschi* (*Gli obelischii egiziani di Roma. Рим. 1898*) вновь пытался сопоставить текст *Нермаріон'а* с надписями Фламиниева обелиска, но попытка его едва ли может быть признана удачной (см. *Marestaing, l. c.*)

фонетических знаков для передачи некоторых выражений в текстах, предшествующих греческому периоду, но все еще остается невыясненным, с какого именно времени фонетический элемент стал составной частью иероглифического письма.

Единственным средством ответить на этот вопрос является прочтение имен древних фараонов, дающее возможность точно датировать дошедшие до нас египетские памятники. На алебастровой вазе, принадлежавшей королевскому кабинету в Париже Шампольон нашел картуш с чисто фонетически написанным именем Ксеркса; рядом то же имя было написано персидской клинописью, что давало возможность проверить правильность чтения. Имя Ксеркса подтверждает наличие фонетического элемента в эпоху персидского владычества за 460 лет до Р. Хр. На одном из римских обелисков (на Monte Citorio) Шампольон нашел фонетически написанное имя Псамметиха; не зная, принадлежит ли картуш Псамметиху I-му или II-му, он все же мог на основании его, установить факт пользования фонетическими знаками за 80–120 лет до Камбиза. Во время Псамметиха грекам, как известно, открыт был свободный доступ в Египет, и если бы принцип алфавитного письма заимствован был египтянами у греков, то факт заимствования естественнее всего было бы отнести к этому моменту. Но на илиопольском обелиске Шампольон нашел картуш с именем Сесостриса, в котором все знаки, кроме первого, входят в состав его алфавита. Не зная, к какому времени отнести этого фараона, Шампольон ошибочно сопоставил его с известным в греческой передаче фараоном Осорфоном, которого Манефон относит к XXIII династии; это дает ему возможность установить пользование фонетическими знаками за 350 лет до Камбиза. Дальнейшую дату дали имена Шешонка и Озоркона (XXII династии), из которых первый известен из Библии, как современник Давида. Наконец, имена Рамсеса, Аменофиса и Тутмоса доказывают наличие фонетического элемента в древнейших, известных в то время, иероглифических текстах¹⁰⁹.

Вместе с тем выясняется сложная структура иероглифического письма, состоящего одновременно из фонетических и идеографических знаков. Первые Шампольон считает однородными чисто-алфавитными знаками, передающими, как согласные, так и гласные звуки; впрочем, он оговаривает, что знаки, соответствующие гласным, имеют столь же неопределенное значение, как соответствующие им буквы семитического алфавита и в середине слова нередко опускаются¹¹⁰. Что же касается идеографических знаков, то они состоят либо из *фигуративных* знаков, употребляющихся в значении изображенного ими предмета, либо из символических знаков, подразделяющихся в свою очередь на *тропические*, передающие смысл понятия при помощи метафоры, метонимии, синекдохи, и на чисто символические или *аллегорические* знаки, значение которых может быть лишь отгадано. Для составления слов, иероглифы сочетаются в группы, причем обычно к фонетическим знакам прибавляется детерминатив; но целый ряд слов может быть передан двояким или тройным способом: либо чисто фонетически, либо чисто идеографически, либо при помощи комбинации тех и других знаков.

Намеченная схема иероглифического письма отличается от принятой в настоящее время в одном весьма существенном пункте, Шампольон упустил из виду наличие словесных и слоговых иероглифов, считая те и другие чисто алфавитными знаками, передающими лишь первый звук соответствующего слова или слога. Шампольон был введен в заблуждение произвольной орфографией поздних текстов, в которых словесные и слоговые знаки сплошь и рядом употреблены в качестве алфавитных, особенно при передаче иностранных собственных имен, послуживших исходным пунктом для дешифровки. В силу некоторых особенностей иероглифического письма¹¹¹, допущенный пробел не мог оказать существенного влияния на правильное чтение текстов, и построенная Шампольоном схема

¹⁰⁹ См. Champ. Précis, с. 225–300.

¹¹⁰ Ibid, с. 365; ср. Lettre à Dacier, с. 38.

¹¹¹ Речь идет о т. н. звуковых дополнениях, сопровождающих слов. и слогов. иероглифы, благодаря чему создается впечатление, будто последние служат для передачи одного начального звука. В тех случаях, когда опущено звук. дополн., Шампольон полагал, что слово написано сокращенно.

иероглифического письма, действительно, дала ему ключ к пониманию всех доступных ему памятников. Это открывало такой широкий простор деятельности, что Шампольону некогда было теперь сосредоточиться на приведении в ясность теоретических основ своей системы¹¹². Дальнейшая деятельность его протекает преимущественно в двух направлениях; с одной стороны, необходимо было создать иероглифическую грамматику и словарь, с другой стороны, Шампольон стремился использовать вновь отвоеванный для науки материал в целях восстановления истории и культуры древнего Египта на основании туземных памятников, впервые ставших доступными для понимания.

Для выполнения этих широких заданий необходимо было выйти за пределы того ограниченного материала, которым Шампольон мог располагать в Париже¹¹³. Но не говоря уже о научной экспедиции в Египет, которая теперь после открытия чтения иероглифов должна была казаться ему особенно заманчивой, — даже поездка в Англию и Италию, где преимущественно сосредоточены были памятники, усиленно вывозившиеся тогда из Египта¹¹⁴, была осуществима для него лишь при условии субсидии со стороны французского правительства.

С этой точки зрения приобретает существенный интерес жестокая критика, которой подверглась система Шампольона со стороны многих современников, и особенно со стороны его ревнивых соперников. Стронники Юнга в Англии, Зейффарт в Германии, Гулянов в России, Клапрот одновременно в названных странах и во Франции стремились наперерыв подорвать веру в значение Шампольона, как основателя новой отрасли знания¹¹⁵. Принятое последним большое количество гомофонных знаков, допущенная им возможностью двоякой или даже тройкой передачи одного и того же слова производили на первый взгляд впечатление произвольной интерпретации текстов, служа главной мишенью для нападений не всегда добросовестных критиков, не останавливавшихся также перед ни на чем не основанными обвинениями в плагиате и шарлатанстве. Были подняты на ноги наиболее отсталые элементы католического духовенства, которым дело было представлено в таком свете, будто изыскания Шампольона, устанавливая глубокую древность Египта, стоящую в противоречии с библейской хронологией, представляют серьезную опасность для церкви, подрывая неоспоримость ее догматов¹¹⁶. Не было забыто и активное участие обоих братьев в политических событиях, связанных с историей «ста дней», — и реакционному правительству эпохи реставрации не могло не казаться серьезным обвинение Шампольона в якобинстве. Ученый мир Парижа не сразу принял его, как равного в свою среду, и, несмотря на то, что несколько иностранных академий, как и целый ряд провинциальных во Франции, уже считали его своим сочленом, — двери Парижской Академии надписей все же еще оставались закрытыми для Шампольона.

Но все же происки соперников и личных недоброжелателей оказались бессильными против обаяния провозглашенной им новой истины. В ученом мире на защиту его выступили такие авторитеты, как Сильвестр де-Саси во Франции и Вильгельм Гумбольдт в Германии, а среди «сильных мира сего» деятельность его вызвала сочувствие со стороны таких влиятельных лиц, как Людовик-Филипп Орлеанский и герцог Блакас. Благодаря преимущественно покровительству последнего, при дворе Бурбонов несколько рассеялось недоверие к Шампольону, вызванное его политическим прошлым. Теперь ему были предоставлены средства на поездку в Англию и Италию, где он работал преимущественно

¹¹² Ср. Ed. Meyer в предисл. к труду Hartleben (т. I, с. XVI): "er hatte wichtigeres zu tun".

¹¹³ Атласы Description дают чрезвычайно мало текстов; помимо них Шампольон мог пользоваться лишь ненадежными копиями надписей на римских обелисках, да весьма незначительным количеством оригинальных памятников.

¹¹⁴ При Мехемед-Али в Египте стали возможны археологические изыскания; важнейшие предприятия этого рода связаны с именами Дроветти, Сольта, Анастаси и Пассальяквы; добытый материал на первых порах попадал преимущественно в Италию.

¹¹⁵ Hartleben I, с. 462 сл.

¹¹⁶ Ibid. С. 571 сл.

в Турине¹¹⁷, и где им, как известно, открыт был знаменитый Туринский папирус, столь важный для установления египетской хронологии. Позднее (в 1826 г.) ему было поручено приобретение для Лувра египетской коллекции Сольта, по водворении которой в Париже, он был назначен ее хранителем. В 1828 г. Шампольон был поставлен во главе француско-тосканской экспедиции в Египет, впервые сделавшей доступной изучению огромное количество иероглифических текстов, скопированных под непосредственным наблюдением основателя египтологии. Среди участников экспедиции находился также итальянский ученый Розеллини¹¹⁸, уже два года занимавшийся изучением египетской письменности под руководством Шампольона. Результаты полутороговой работы экспедиции изложены в посмертном труде Шампольона: *Monuments de l'Égypte et de la Nubie* (4 тома in folio, Paris 1835–45)¹¹⁹. По возвращении из Египта Шампольон был, наконец, избран членом Парижской Академии надписей, а осенью 1831 г. ему была предоставлена кафедра археологии в *Collège de France*, но преподавательская деятельность его продолжалась всего несколько месяцев. Изнуренный чрезмерным трудом, он пал жертвой злого недуга, вырвавшего его из жизни на 42-м году (4 марта 1832 г.).

Преждевременная смерть, настигшая Шампольона в самый разгар кипучей его деятельности, имела своим последствием то, что он успел при жизни опубликовать лишь незначительную часть достигнутых им результатов, а его богатое литературное наследие лишь неполностью и с большим опозданием стало достоянием ученого мира¹²⁰.

В истории науки трудно найти пример, когда бы основатель новой отрасли знания передал ее потомству в столь разработанном и законченном виде, как это сделал Шампольон¹²¹. В короткий период, который ему суждено было прожить после сделанного им открытия, он успел разобрать огромное количество иероглифических текстов, и по возвращении из Египта, не только язык, но и история страны была в главных чертах восстановлена им¹²². Едва ли приходится говорить о значении его открытия, заставившего, в буквальном смысле слова, говорить камни и расширившего исторический кругозор человечества чуть ли не на двойной промежуток времени. Выяснить влияние его идей на последующее развитие науки значило бы дать обзор развития египтологии на протяжении истекших ста лет, — задача, выходящая за пределы настоящей статьи¹²³. Ограничимся, поэтому, кратким указанием на то, что во всех важнейших проблемах египтологии, не только в изучении письма и языка, но также в установлении хронологии и исторической географии Египта, в археологических изысканиях на месте, в восстановлении политической и культурной истории Египта, — первый и нередко решающий шаг сделан гениальным основателем нашей науки.

В настоящее время египтология во многих пунктах успела выйти далеко за пределы того круга идей, в котором вращался Шампольон и его эпоха. Вопрос о сношениях Египта с народами, передней Азии и о связи его с миром Эгейской культуры, сделавший изучение

¹¹⁷ Результаты изысканий Шампольона в Туринском музее изложены им в *Lettre à Mr. le duc de Blacas d'Aulps*, Paris, 1824–26.

¹¹⁸ Труд его: *Monumenti dell' Egitto e della Nubia* (Pisa, 1332) является результатом совместной с Шампольоном работы в Египте.

¹¹⁹ Ценным дополнением к нему являются: *Notices descriptives* (Paris 1844 ff.) и *Lettres écrites d'Égypte et de Nubie en 1828 et 1829* (Paris 1833).

¹²⁰ Главнейшие посмертные труды, кроме названных: *Grammaire égypt. publ. sur le ms. autographe* (Paris 1836–41) и *Dictionnaire égypt. en écrit. hiérog. publ. par Ch.-Figeac* (Paris, 1841–44); последний труд мог быть издан лишь после смерти Сальволини (ученика Шампольона), в бумагах которого обнаружены были рукописи, похищенные им у умиравшего учителя и вероломно использованные им в его собственных трудах.— Факт сообщен Фижаком в предисл. к *Dictionnaire*; подробности у Hartleben II, с. 531 сл. 60.

¹²¹ Ср. Ed. Meyer. *Geschichte des Alterthums* 1909, т. I, 2, с. 6.

¹²² Hartleben на основании неизданной рукописи Шампольона, воспроизведенной в ее биографии (на с. 594 второго тома; ср. С. 502 сл.), установила, что Шампольон незадолго до смерти (осенью 1831 г.) правильно определил фараонов XII дин., предвосхитив, таким образом, позднее открытие Лепсиуса; ср. Ed. Meyer, назван. соч., с. 16, прим.

¹²³ Вопросу о развитии египтологии на Западе после Шампольона мы намерены посвятить отдельный очерк.

Египта одной из важнейших проблем всемирной истории; открытие архаического Египта, содержащего ключ к пониманию происхождения и развития всех сторон египетской культуры и устанавливающего связь ее с первобытной культурой Нильской долины; сложные этнографические и лингвистические проблемы, связанные с изучением древнего Египта; богатое и разнообразное содержание египетской литературы, важнейшие моменты в развитии религии и искусства, — во всех этих областях перед наукой открылись новые горизонты, о которых не чаял ее гениальный основатель. Но все указанные проблемы выросли на почве накопления нового материала, который во времена Шампольона таился глубоко в недрах земли и стал доступен изучению лишь благодаря успехам археологических изысканий, как в Египте, так и в соседних странах, важным толчком для которых послужила, в свою очередь, гениальное открытие Шампольона. С другой стороны, напомним, что дешифровка иероглифов была для Шампольона лишь средством к достижению цели, послужившей исходным пунктом всей его деятельности и ясно сформулированной им в плане его юношеского труда о Египте, который должен был, по замыслу автора, охватить не одну лишь историческую географию, но также «религию, язык, письменность и историю Египта до покорения его Камбизом»¹²⁴. Эта цель, для осуществления которой Шампольону пришлось собственными руками добывать, как материал, так и средства для его обработки, — остается до настоящего дня невыполненной. Несмотря на блестящее развитие отдельных отраслей египтологии, наука до сих пор еще не располагает энциклопедической сводкой всех данных о Египте, основанной на исчерпывающем изучении туземных памятников, в том объеме, о котором мечтал более ста лет тому назад шестнадцатилетний Шампольон. И если справедливо, что сила гения измеряется обширностью поставленной им проблемы и количеством работы, заданной им последующим поколениям, то мы считаем нелишним отметить, что замыслы гениального юноши, зародившиеся еще на школьной скамье, оказались настолько грандиозными и всеобъемлющими, что ста лет работы египтологии оказалось недостаточным для их осуществления, несмотря на то, что главное препятствие к тому было предварительно устранено им самим, благодаря блестящему разрешению одной из труднейших научных проблем, которые когда-либо были поставлены европейскому гению.

¹²⁴ В 1814 г. вышли первые 2 тома, посвященные исторической географии; затем дешифровка иероглифов поставила перед Шампольоном новые очередные задачи до выполнения которых продолжение этого труда оказалось невозможным, но подробный план его был выработан Шампольоном еще в 1807 г.; см. Hartleben I, с. 65 сл.